
Тося Шмидт Татьяна Смит
Ворожея
Кощеева дочь

Татьяна Смит

Ворожея: Кощеева дочь

«Автор»
«Автор»
2026

Смит Т.

Ворожея: Кощеева дочь / Т. Смит — «Автор», «Автор», 2026

Вильфрида, узнав, что она дочь Кощея, оказывается в его тереме, где становится заложницей собственного отца. Светозар и Эгиль отправляются в путешествие, чтобы не только найти ведьму, но и спасти её от власти Мары. Лишь тот, кто сможет защитить её от богини жницы, получит право стать её мужем. Но ведьма имеет свои планы, и её вмешательство может изменить всё.P.S. Цикл Ворожея был написан в 2025 г., но ранее выкладывался на другой площадке.

© Смит Т., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Скандал 5
Речной князь 10
Отец 15
Хольмганг 20
Игоша 25
Домашние духи 30
В гостях 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Татьяна Смит
Ворожея: Кощеева дочь

Скандал

— Ты как вообще это допустил?! — Мара появилась перед ним из ниоткуда. — Додумался ж отдать девке чура. На него теперь никакой управы не сыщешь!

Чернобог лениво отмахнулся от жницы, будто от назойливой мухи. В последнее время сил оставалось всё меньше, и желания спорить не было.

— И не маши на меня! Сам знаешь, на что способен твой внук! Не на мой трон он метит, а тебе хоть трава не расти, — словно склочная баба, раскричалась богиня. — Будто то одной мне надо!

— Не посмеет, — лениво заметил Пекельный князь.

— А ежели посмеет? Тогда что?

— Тогда и думать стану, а пока отстань от меня, сил нет никаких ужо с вами воевать!

Мара задохнулась от возмущения, она, значит, его Пекло спасать пришла, а он её будто сенную девку прочь отсылает.

— Я-то уйду, а вот ты ещё придёшь помощи просить!

— Ведьма-то не пришла, — приоткрыв закрытые было глаза, усмехнулся Чернобог.

— Так ежели б ты князя не спровадил, то и пришла б! — вскипела жница. — Она мне обещана, а вы всё делаете, чтоб мне не досталась девка!

— Он тут мне предательство сеять начал и смуту, мне зачем его тут держать? Коль бы не ты, я б его вовек к себе не потащил. От этих людей одни беды.

— Ну и разбирайся сам со своими внуками! А Красимил ужо проход на гору закрыл. Сейчас дочь силой поделится, и к тебе придут, попомни моё слово! — Мара взмахнула подолом и захлопнула дверь.

Мужчина устало закрыл глаза.

— Придут-придут, как же придут они. Нужен я им больно. А вот тебе девка, смотрю, нужна, ну так сама и разбирайся с ней, — произнес он в пустоту.

То, что жница не отступится, покуда есть возможность ведьму своей жрицей сделать, он знал, но надеялся, что придумает внук его, как дочь защитить. Мару Чернобог боялся боле, чем Кощея, тот пусть и непутёвый, но внук, ему и так однажды этот трон достанется. Саму смерть поборол. И того ему Мара никак простить не может.

Он достал из кармана сосуд с душой и усмехнулся. У него есть управа на них, а вот у жницы такого не будет.

— Как вы могли то допустить, а? Я вас спрашиваю!? — крик домового заставил всех вздрогнуть. Кричал он уже третий день, пора бы привыкнуть, но не выходило. Мужчины снова бросились прочь из горницы в трапезную.

Князь и Эгиль столкнулись плечами, и их чуть отбросило друг от друга. Хотели уже было что-то сказать, как снова прозвучал громкий возглас:

— Вот я вам, окаянные! — Прошка соскочил с лавки (откель только там взялся?), попутно скинув половик, которым та была накрыта, на пол. — Это ты всё! — ткнул он пальцем в Светозара, топнул ногой и отвернулся. — Твой волхв приволок ей этого чура, мол, вот от твоих родичей остался. Накликал беду токма! Привлёк нечисть костлявую! — схватил себя за волосы и, дёрнув их в стороны, опять закричал. — У-у-у-у, я вам! А ты?! — повернулся он к Эгилю. — Чего глазёнками своими стоял хлопал? Не ты ли пел, что любишь её!? Чего тогда допустил вот этого? — домовой указал головой на место, где исчезла ведьма. — А всё ведь с тебя началось! Явился, видите ли, Ясине передать что-то надобно было от отца. Ага, конечно! Вон оно как, оказывается. Ты заодно с Кощеем! И ты, — опять обратился к князю. — Чего тоже уши развешал?! Надо было хватать её да бежать отсель. Ты ж сразу узнал в этом мужике Кощея, сам же её спас от него! Сам говорил. Нет, стояли, смотрели, как он мою Вилушку утаскивать станет. Супостаты!

Домовой пнул князя, стоявшего ближе всего, по ноге и сел обратно на лавку, дёргая опять свои волосы.

— Эт что же получается? Она внучка Чернобога? — спросила Гранька, прохаживаясь туда-сюда.

Никто ей не ответил, да и зачем, ежели она и так знала ответ.

— Кудыкина гора... — протянул Светозар, вновь вспоминая сказки. Кто бы мог подумать, что его любимые россказни нянюшки так ему пригодятся. Но пока в голову ничего не приходило.

— Просья, ты со мной? — спросил домового Эгиль. — Что зря сидеть и кричать. Надобно уже в путь собираться.

Тот дёрнулся, да клок волос-то и выдрал. Глянул на него и бросил себе под ноги.

— А ты будто знаешь, где эту гору сыскать? — спросил его он, смотря на северянина снизу вверх.

— Всё переверну, но её найду! Нойда моей станет.

— А от Мары ты её как спасать будешь? — уличив момент, влез князь.

— Спасу, тебя не спросив, — огрызнулся северянин. — Так что, гутгин, ты со мной? — повторил он вопрос.

— Я пойду! — выкрикнула Гранька, подходя ближе к Эгилю. Скосила зелёный глаз на Светозара, показала тому язык и отвернулась. Северянин ей больше нравился в качестве мужа для Вильки. От рода Светозара ничего доброго и не жди. Сперва Яська из-за них на болоте оказалась, теперь вот Вилу утащили не пойми куда.

— А чего это ты вперёд меня вылезла? Меня спрашивал он, а ты... Ух я вам бабам! — погрозил кулаком кикиморе. — Сидеть вам дома надобно, а не шляться по землям да морям разным. А тебе вообще в болоте место, а не здесь! Попёрлась она, чего в избе не сиделось? — домовой, найдя новый повод покричать, тут же это и устроил.

— Я тебе сейчас покажу место в болоте! — вскинулась кикимора и начала наступать на Прошку, тот выпятил грудь вперёд и стойко сдерживал её натиск вытянутой рукой, но стоило ей подойти вплотную, как домовой выдал:

— Я ж люб тебе, а значит, и бить не сможешь! Иначе ж кака такая любовь-то?

Кикимора замерла на месте, задумалась. Затем усмехнулась, да и врезала ему подзатыльник.

— Лишним не будет, гляди ума прибавит, — добавила та и отошла, на соседнюю лавку присела.

— Ээээ, ты баба аль кто? Где это видано, чтобы мужиков били… Завсегда в дому мужик хозяин, а ты, — возмутился Прошка.

— А так я не баба... Я кикимора болотная, так что терпи! Сам говаривал, тебе моя любовь не надобна.

— А ну тихо вы оба! — выкрикнул князь, ему уже порядком надоели эти вечные споры. — Вилу спасать надо, а вы только ругаетесь.

— Прежде чем спасать, гору бы сыскать, — резонно заметил домовой.

— А вы б вот помолчали, может, я б чего в сказах кормилицы и вспомнил, — буркнул Светозар.

Эгиль сидел молча, изредка морща лоб, он слышал немало сказаний о волшебных местах Руси и теперь пытался отыскать в памяти, нет ли там чего про Кудыкину гору. Вспомнился ему сказ про Ратибора и страну Беловодье. В голове будто голос зазвучал старика того, что баял ввечеру им сказки разные:

«В стародавние времена, когда земля ещё молода была, а люди с богами бок о бок жили, слыхали о земле дивной, зовомой Беловодьем. Край тот светел да чист был, будто само небо на землю спустилось. Вода там бела, как молоко, а трава зелена, словно смарагды. И стоит посреди той земли гора высокая, зовомая незнамо как.

Говорят люди ведающие, что на той горе спрятано счастье великое, да не всякому оно открывается. Только чистый сердцем да душой светлой может путь туда отыскать. А путь тот неблизкий, через земли югорские, через булгар да вымяков. А те больно воинственны, не каждый пройдёт.

Жил в те времена молодец, кликаемый Ратибором. Слыхал он о Беловодье да о незнамо какой горе и возжелал счастья того великого найти. Собрался он в путь-дорогу, взял с собой меч булатный да коня верного.

Шёл Ратибор долго, через леса дремучие, через реки быстрые. Встречал он на пути своём зверей диких да духов лесных, но не страшился, ибо сердце его чисто было.

Дошёл он до земель югорских, победив и булгар лютых, и хитрых вымяков обдурив. Тут и увидел он гору ту самую, великую. Стоит она, будто страж древний, вершиной своей в небо упирается. А на верхушке её, видать, град богов, хоромы их там стоят.

Поднялся Ратибор на гору ту и видит — стоит перед ним старец седой, борода до земли, а глаза светятся, как звёзды.

— Зачем пришёл, молодец? — спрашивает старец голосом, что громом раскатистым звучит.

— Ищу счастья великого, что на сей горе сокрыто, — отвечает Ратибор.

— Счастье твоё не в горе сей, а в сердце твоём, — молвит старец. — Кто чист душой, тот счастье своё везде найдёт. А кто злобой да завистью полон, тому и гора сия не поможет.

Понял тогда Ратибор, что счастье его — не в богатстве, не в славе, а в том, чтобы жить по совести, да людей добром помнить. Поклонился он старцу низко и отправился обратно в свои земли.

А старец тот был великий бог Велес. Добру учил он завсегда людей, а гора та испытанием их была. Лишь сильный и смелый мог булгар пройти, лишь чистый и светлый найти, как с вымяками сговориться.

И таким людям дарил он свой свет и речи мудрые. И становились они ещё мудрее».

Задумался Эгиль, не та ли это гора? Если так, то путь им предстоит дальний. Глянул на Светозара, тот тоже притих, сидит, кумекает что-то.

А вспоминал князь тоже сказ, только нянюшкин, про великого змея Горыныча, сына Чернобога, что охранял гору волшебную, и в его голове зазвучал голос нянюшкин:

«Во времена древние, когда земли скифские простиралися от востока до запада, и небо близ земли было. Говаривали люди о Змее Горыныче, страшном и триглавом. Сей Змий огнём дышал, живя на верху самом горы волшебной, что возвышается посредь степей бескрайних. Гора та была непроста, но силу имела древнюю, от богов самих данную. Говорили, что в ней сокровенный ключ ко всем тайнам мира спрятан, но никто не осмеливался всходить на верх её, ибо Горыныч стерёг ту, яко око своё, а то и пуще.

Змий тот был не токмо стражем, но и карой людской. Когда месяц грозник бывал, снисходил он с горы и дань требовал: серебро, скот, а порой и души человеческие, да всё девками ладными. Скифы трепетали пред ним, но никто не мог противиться силе его. Огонь, исходящий из его уст, палил всё на пути своём, а яд от дыхания его мог умертвить и сильнейшего воина.

Однажды, когда Горыныч таки опустошил селения, что дань дать не смогли, явился юноша, именем Яромир. Сей сын был от рода древних воинов, которые некогда владели землями сими, а потом Змием прогнаны были. Яромир захотел положить конец лютости Змиевой. Пошёл он к жрецу древнему, что жил в роще священной, и вопросил его: «Как же одолеть мне Горыныча?». Жрец же изрёк в ответ: «Токмо тот, кто имеет сердце чистое и веру в богов своих, возможет взойти на гору ту. Тамо, в пещере, лежит меч, богами кованный. Токмо им и сможешь ты убить Змия. Но помни: путь твой полон будет опасностей смертельных, и как до меча дойдёшь, Горыныч не даст его без боя».

Яромир же не убоялся. Взял лук свой и стрелы заговоренные, и веру в сердце своём крепкую. Путь к горе той был долог и труден. Минул леса тёмные, шёл болотами топкими, перешёл реки глубокие и пришёл на гору крутую. Тропинки не встретил там. Но не отступил. Когда достиг верха, явился пред ним Горыныч. Три главы его смотрели на юношу с яростью, и огонь исходил из пастей его.

«Кто ты есть, дерзкий воин, что осмелился придти ко мне?» — возопил Змий.

«Я Яромир, сын скифский! И пришёл я избавить землю эту от погани твоей!» — отвечал змию воин.

Горыныч же рассмеялся, от смеха его горы содрогнулись, но Яромир не убоялся. Вошёл в пещеру, увидел лежащий меч, богами кованный. Когда взял его в руки свои, меч воссиял светом ярким, будто пламя. Змий ринулся на юношу, но Яромир, силою богов исполненный, вступил с ним в схватку. Долго бой тот длился, но наконец Яромир отсёк все три главы Змиевы. Горыныч упал на землю, и тело его в камень превратилось.

С тех пор так там и лежит, говорят. Но не умер Змий, лишь уснул сном вековым, а коли пробудится снова, беды нашлет лютые. И лишь новый богатырь сможет спасти людское племя от его ига поганого».

Оба мужчины погрузились в размышления. Каждый уже представил себе путь, который предстоит пройти. И пути те не были лёгкими. Эгиль знал, что земли булгар опасны, кочевники на лошадях ревностно хранили свои земли и чужаков не привечали. Придётся с собой хирд свой брать. Мимо них они часто ходили по Итилю в Византию. И вот снова ему туда дорога лежит. Хирд не откажет, то он твёрдо знал, решил лишь Свена с Веданой домой отпустить, пусть молодые едут. Но то ежели здоровяк сам с ними пойти не захочет. А девка что, доля её такая, ждать мужа с походов. Пущай учится.

Он довольный собой усмехнулся и снова скосил глаз на Светозара. Интересно стало, знает ли тот, о какой горе речь идёт, аль нет? Но князь молчал. Лишь изредка почесывал подбородок. Затем встал и вышел вон из избы. Следом за ним и Эгиль подорвался.

Прошка меж тем снова стянул со стола пирог и принялся жевать, отламывая большие куски и с аппетитом отправляя их в рот. Гранька, сидевшая напротив, злобно зашипела на него, её зелёные глаза сверкнули, как у дикой кошки.

— И как в тебя жратва только лезет? Тут Вильку не пойми куды утянули, а энтот жрёт только сидит! — выпалила она, всплеснув руками.

— Я с беспокойства голодный становлюсь, — буркнул домовой, не отрываясь от пирога. Он даже не посмотрел на неё, продолжая жевать с видом человека, которого ничто не может вывести из равновесия.

— Судя по тому, как ты жрать любишь, ты вечно беспокойный, — съязвила кикимора, скрестив руки на груди. Её голос звучал насмешливо, но в глазах читалось раздражение.

— А будто нет? — взвился Прошка, наконец оторвавшись от пирога. Он швырнул остатки на стол и вскочил на ноги, его лицо покраснело от возмущения. — От вас же одна тревога, скоро утин, как у бабки, разыграется и жаба. Постоянно куда-то лезете, а я потом вас спасай!

— Да кого ты спасал-то?! — возмутилась Граня, тоже поднимаясь со своего места. Она подошла к нему вплотную.

— А Вильку из мира Подлунного кто ночами в печь кликал? — выпалил Прошка, тыча пальцем в её грудь.

— Да будто бы оно помогло! — парировала Граня, её голос стал выше, а руки упёрлись в боки. — И не тычь в меня. Ишь удумал, за грудь меня хватает!

— Да кто тебя хватает, нужна ты мне! А в печь кликать, может, и помогло, ты откель знаешь?! Вот то-то же, — подняв палец вверх, изрёк Прошка, глядя на молчащую нечисть.

В этот момент дверь избы распахнулась и с грохотом ударила в стену, на пороге появился Эгиль. Его лицо было серьёзным, а в руках он держал свёрток.

— Хватит шуметь, — сказал он, его голос звучал спокойно, но с ноткой угрозы. — Вильке нужна наша помощь, а вы тут как базарные бабы сцепились. Что опять не поделили?

Прошка и Граня мгновенно замолчали, обменявшись взглядами. Домовой снова плюхнулся на лавку, схватив со стола ещё один кусок пирога, а кикимора, фыркнув, отвернулась.

— Тебя спросить забыл, чагось мне делать, — наконец буркнул домовой, утирая пальцы рушником. — Чего там приволок? — Он вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что же такое в руках северянина.

— Вот, — продолжил Эгиль, скинув тряпьё и разворачивая старый свиток на столе. — Здесь есть карта. Если мы хотим найти Вильфриду, нам нужно действовать быстро. Скоро сезон дождей, и дороги размоет. Но до того мы на судах по рекам пойдём, а как лёд встанет, купим сани и лошадей, — начал он рассказывать свой план.

Прошка с набитым ртом (и когда успел опять туда что-то сунуть?) кивнул, а Граня, скрестив руки, подошла к столу.

— Ладно, — пробурчала она. — Но если этот обжора снова начнёт жрать вместо того, чтобы помогать, я ему уши оторву.

— Попробуй только, — огрызнулся Прошка. — Отрывалки не доросли ещё уши мне драть. Смотри, разговорчивая стала. Мы тебя, может, совсем с собой не возьмём. Вот!

Эгиль же убедился, что Светозара поблизости нет, запер дверь и принялся рассказывать свой план. Он водил пальцем по карте, показывая путь, который им предстоит пройти, чтобы отыскать Вильфриду. Объяснял сложности на пути. Но пока так, без подробностей. Времени у них будет много, успеет всё рассказать, что надобно.

Речной князь

Светозар, выйдя из избы, с досады пнул камень, который с глухим стуком покатился по земле, подпрыгивая на неровностях.

— Вот же проклятая нечисть, — пробормотал он себе под нос, — предали меня! И кого выбрали?! А?! Иноземца! Окаянного северянина. Нормана немытого... — Он замолчал, вспомнив, что норманы, вопреки его гневу, следили за чистотой тела не меньше, а то и больше русичей. А уж как они за своими бородами ухаживали!

Светозар сплюнул, раздражённый самим собой.

— О чём только думаю!? — проворчал он. — О бороде бесова Эгиля! Ну не на неё, в самом-то деле, девка запала? Хотя кто их, этих баб, разберёт...

Впрочем, он не был уверен, что Вильфрида выбрала бы не его. Но теперь это уже не имело значения. Решать было Кощею, а тот озвучил условие. Значит, нужно собираться и держать путь к скифам.

Светозар вздохнул, оглядываясь вокруг. Возвращаться в Искоростень, брать с собой упыря да коловершу — чем не хорошая подмога? И он при нечисти будет, как и северянин. А потом — в Киев. Оттуда уже, по Славутичу, к печенегам, а от них — в море Сурожское и в поселение скифов, Кремны называемое.

Он знал, что в тех землях были и другие небольшие селения, но в основном народ там кочевым был, на месте не стоял. Но это даже к лучшему — дружины много с собой брать не станет. Лучше обойдёт стоянки кочевников, чтобы лишний раз не тревожить.

Светозар потёр подбородок, чувствуя, как щетина колется под пальцами. Ему нужно было собраться с мыслями. Путь предстоял долгий и опасный, но другого выхода не было.

— Ладно, — пробормотал он, — нечего тут стоять!

Он развернулся и медленно направился к реке. Ему хотелось побыть одному, собраться с духом, привести в порядок мысли. Текущая вода завсегда помогала ему в том. Подойдя к самой кромке, он присел на большой гладкий камень, обточенный ветром да волнами. Поднял с земли небольшой галечник, подержал его в ладони, словно взвешивая, и бросил в лениво катящиеся к берегу волны. Они расходились кругами, растворяясь в тёмной воде. Долго он так сидел, швыряя камушки один за другим, будто пытаясь унять внутреннюю тревогу.

И вдруг почувствовал — за спиной кто-то стоит.

Обернулся и увидел мужика. Высокий, статный, с плечами богатырскими. Подпоясан синим поясом, расшитым узорами, что переливались, будто вода под лунным светом. Глаза у него были странные — то ли зелёные, то ли серые, словно сама река смотрела через них. Волосы длинные, заплетённые в тугую косу, что лежала на плече, словно шнур из шёлка.

— Зачем в воду кидаешься? — проговорил незнакомец, присаживаясь рядом на камень. Голос его был глуховат, словно доносился из глубины. — Рыбу да русалок с водяным распугал. Сома под корягу загнал.

Светозар струхнул. Вдруг до него дошло, кто перед ним. Сам князь речной — Волхов.

— Задумался я, княже, прости уж, — только и смог вымолвить Светозар, а сам во все глаза смотрел на хранителя реки.

Он знал по сказам кормилицы, что Волхов — сын Горыныча и смертной женщины. Отец его, Змей трёхглавый, выпросил у богов для сына высокий пост. Так и стал Волхов за рекой следить, чтобы порядок был. А за это ему была обещана дева великой силы, но найти её он должен был сам. И до сих пор, говорят, ищет. А как вспомнит про это, так обозлится — и река на взводье пойдёт, бурлит, волны крушат берега, смывают бани да дома.

Местным, из Адельгейи, приходится тогда откуп давать — самую ладную девку в реку отправляют. Кого-то забирает, а кого-то, глядишь, отпускает. С таким шутки плохи.

Светозар сидел, не смея пошевелиться, а Волхов смотрел на воду, будто видел в ней что-то, недоступное простому глазу.

— Задумался, говоришь? — наконец нарушил молчание князь речной. — А о чём же?

Светозар рассказал князю всё как есть, без утайки. Волхов слушал, не перебивая, а потом вдруг рассмеялся, да так громко, что эхо разнеслось по берегу. Он даже по коленям себя хлопнул, словно услышал самую забавную шутку.

— Ай да братец, вот же шельмец! — воскликнул он, всё ещё смеясь. — Придумал вам задачку, нечего сказать.

Светозар замер, сердце его заколотилось. А вдруг речной владыка сможет помочь? Вдруг подскажет, где искать ту гору? Но Волхов, словно прочитав его мысли, строго посмотрел на него и пальцем пригрозил.

— Не, паря, на меня не смотри! — сказал он, усмехаясь. — То тебе да сопернику твоему загадка загадана, вам и девку с горой искать. Я свою суженую сам ищу. Ну, ежели только Макошь тебе испросить, вдруг подскажет, где судьбинушка твоя сейчас спрятана.

Светозар кивнул, понимая, что это хоть и маленькая, но всё же подсказка. Волхов поднялся с камня, размял свои широкие плечи и двинулся прочь по берегу.

— Спасибо тебе, княже! — крикнул ему вслед Светозар.

Но Волхов не ответил. У него, видимо, свои мысли были. Он шёл, погружённый в раздумья, и вдруг остановился.

А что, если та ведьма, о которой говорил древлянин, и есть его суженая? Силы в ней немало, а достанется она простому смертному. Почему бы и самому её не сыскать?

Но тут же он вспомнил, что брат его, Кощей, хорошо спрятался. Гора, на которой он укрылся, — место тайное, и путь к ней знают лишь он сам да, может, Велес. Но Велес не скажет, куда идти. Значит, придётся самому искать братучаду. Кровь у них хоть и общая, но больно дальняя. Может, дед и даст разрешение на ней жениться, ежели он докажет, что достоин. Шагнул он в волну и замер.

Вода у его ног закружилась, словно воронка, и он шагнул в неё, исчезнув в мгновение ока. Будто его и не было.

Светозар ещё на берегу посидел, глядя на воду, которая тихо плескалась у его ног. Мысли его были тяжёлыми, как камни. Слова речного владыки не давали ему покоя. «А что, может, и взаправду Макоши совета просить?» — подумалось ему. Ведь богиня судьбы и плодородия, Макошь, была мудрой и справедливой. Кто, как не она, могла подсказать, как поступить с Вильфридой и где сыскать ведьму?

С тем он поднялся, отряхнул одежду и направился в городище. Узкие улочки, вымощенные деревянными плахами, вели его вглубь поселения. Люди вокруг занимались своими делами: кто-то торговал, кто-то чинил забор, дети бегали с криками и смехом. Но Светозар шёл, не обращая внимания на суету.

Он сыскал наместника и попросил того подсказать, где сыскать жриц богини Макоши. Велислав внимательно посмотрел на князя, словно оценивая его намерения, а затем указал на дом, стоящий на краю городища.

— Там, — сказал он, — старшая жрица живёт. Бабка Мокрина. Она тебе всё расскажет, коли богиня позволит.

Светозар кивнул и направился к указанному дому. Дубовая дверь, украшенная резными узорами, выглядела внушительно. Он постучал, услышав в ответ оклик хозяйки, и вошёл в сени.

В избе его встретила дородная крепкая баба. Её лицо было округлым, с добрыми, но проницательными глазами, а волосы, заплетённые в толстую косу, были седыми, как первый иней. На ней было простое, но чистое платье, а на шее висел оберег с символом Макоши.

— Входи, княже, — сказала она, её голос был низким и спокойным, словно журчание ручья. — Чай, не просто так пожаловал?

Светозар снял шапку и поклонился.

— Правду говоришь, бабушка. Пришёл за советом к Макоши. Дело у меня важное, — произнёс он, стараясь говорить уважительно.

Мокрина кивнула и жестом пригласила его сесть за стол. На столе уже стоял глиняный кувшин с квасом и две деревянные чаши.

— Садись, рассказывай, — сказала она, наливая ему до краёв. — Макошь слушает, а я — её устами стану.

Светозар сел, обхватив чашу руками, и начал рассказывать. О Вильфриде, о своих чувствах, о том, как запутался в своих мыслях. Мокрина слушала внимательно, не перебивая, лишь изредка кивая.

Когда он закончил, она долго молчала, а затем подняла глаза и посмотрела на него с лёгкой улыбкой..

— Княже, — сказала она, — Макошь говорит: сердце твоё чисто, но путь твой не ясен. Вильфрида — не добыча. Она — душа, которая сама должна выбрать свою дорогу. А ты... Ты должен быть готов принять её выбор, каким бы он ни был. Матушка Макошь нити ваши сплела промеж собой, но там и третья нить имеется. И лишь девке самой решать, по какому пути идти.

Светозар опустил голову, её слова задели его за живое.

— Но как мне её защитить? Как доказать, что я достоин? — спросил он, и в его голосе звучало нетерпение.

Мокрина налила ещё квасу и протянула ему чашу. А сама за прялку села. Глянул на неё князь, будто сама Макошь перед ним сидит.

— Защита — не в силе, а в мудрости. Докажи, что ты готов быть её опорой, а не владыкой. Макошь видит всё, и если твои намерения чисты, она тебе поможет.

— Мне она Макошью обещана! Мне! — гневно воскликнул князь, ударив кулаком по столу. Его голос гулко разнёсся по избе.

— Гнев в таком деле не помощник, — спокойно заметила женщина, не отрывая взгляда от прялки. Её пальцы ловко двигались, нить тянулась ровно, будто сама судьба. — Матушка дороги ваши сплела, свила. Так вы и встретились. А станет ли она тебе женой, то неведомо. Судьба её в руках не только у Макоши, и Мара её нить подпрядает.

Светозар сжал кулаки, чувствуя, как гнев поднимается в нём, словно волна. Он не привык, чтобы с ним говорили так прямо, особенно какая-то деревенская баба, пусть она хоть трижды жрица богов.

— Сила материнского обещания велика, — продолжала женщина, словно не замечая его ярости. — И покуда есть власть над ней у жницы, не будет девке покоя. Не зря отец её, хоть и нечисть поганая он, беспокоится. А тебя ведёт спесь и норов, а не любовь.

Эти слова стали последней каплей. Светозар вскочил, опрокинув лавку. Она с грохотом упала на пол, но женщина даже не вздрогнула.

— Ишь ты, баба какая-то меня, князя древлянского, учить вздумала! — прошипел он, шагая к двери.

В ответ на то Мокрина лишь усмехнулась ему в спину.

Он выбежал из избы, хлопнув дверью так, что стены затряслись. Узкие тропки между избами были пустынны, только где-то вдалеке слышался лай собак. Светозар шёл быстро, почти бежал, стараясь заглушить ярость, которая кипела в нём.

«Как она смеет? — думал он, злобно сжимая кулаки. — Какая-то деревенская баба, и та мне указывает! Нет, — твёрдо сказал он себе. — Она моя! Макошь обещала. И никто, ни одна баба, ни одна судьба, не отнимет её у меня!».

Войдя в избу, Светозар с силой хлопнул дверью. Удар был настолько мощным, что с печи посыпались горшки, грохнувшись на пол. Он стоял посреди комнаты, сжав кулаки, его лицо пылало от гнева. Ещё и наместник удружил — поселил его вместе с северянами, словно он, князь древлянский, был простым воином.

Светозар поднялся наверх, тяжело ступая по скрипучим ступеням, и закрылся в горнице. Его руки дрожали, а в груди бушевала ярость. Хотелось кого-нибудь убить, выместить всю злость, что копилась внутри. Но его сдерживало обещание, данное Велиславу. А тот ему сейчас ой как нужен был. Без него корабль до дому сыскать сложнее будет. Особенно если наместник решит выкинуть князя из городища. О том, что он может проиграть, Светозар вовсе не думал. Он был уверен в себе, как всегда.

Внизу Эгиль переглянулся с домовым, который сидел на лавке, снова что-то жуя.

— Ну и нрав, — пробурчал домовой, поправляя кушак.

Эгиль пожал плечами, его лицо оставалось спокойным.

— Хочется ему шуметь — пущай шумит, — сказал он, его голос звучал ровно. — У нас своё дело имеется, поважнее будет нервного князя древлянского.

Он переглянулся с домовым и вновь склонился над картами, разложенными на столе. Карты были старыми, с потёртыми краями, но на них чётко были обозначены реки, леса и городища. Эгиль уже час назад отправил своих хирдманов готовить драккары. Время не ждало, и каждая минута была на вес серебряной куны.

— Вот тут, — указал он пальцем на карту, — часто засады у булгар. Если пройти здесь, можно срезать путь. Но нужно быть осторожными — берега топкие, и если сесть на мель, потеряем время.

Домовой кивнул, откусывая большой кусок от только что взятого яблока.

— Не бывал я там прежде, — сказал он. — И это ж опять по воде? Снова буду зелёный, как Гранька. Надобно вина захватить.

Эгиль задумчиво постучал пальцем по столу.

— Пройдём... — пробормотал он. — Рискованно, но другого выхода нет. Другой путь намного дольше выходит.

В горнице над их головами раздался грохот — Светозар, видимо, швырнул что-то тяжёлое в стену. Эгиль и домовой переглянулись, но не стали это обсуждать. У них были дела поважнее.

— Ладно, — сказал Эгиль, складывая карты. — Готовьте всё к пути. Мы двинемся, как только корабли готовы будут.

Домовой кивнул и, поднявшись с лавки, направился к двери, стоило проверить воев. Эгиль остался сидеть за столом, его мысли были заняты предстоящим походом. Он знал, что путь будет опасным, но другого выбора у них не было. Нойда была ему очень дорога.

А сверху по-прежнему доносились звуки ярости Светозара, тот что-то швырял, пинал. Но Эгиль уже не обращал на них внимания. У него была задача, и он намерен был её исполнить.

Прошка, обернувшись чёрным котом, тенью скользнул к пристани. Его кошачья ипостась двигалась бесшумно, сливаясь с сумерками. Северяне, занятые делом, не заметили его присутствия. Они проверяли оснастку кораблей, грузили припасы, переговаривались на своём языке, полном грубых звуков и коротких фраз. Подготовка шла своим чередом, и в воздухе витала атмосфера предстоящего пути.

Домовой кивнул кошачьей головой и направился обратно. По пути высматривал кикимору, которая решила прогуляться. Но не видал он её пока. Лишь у самой избы завидел он её фигуру, сидящую на завалинке. Он молча сделал хвост трубой и с гордо поднятой башкой прошёл мимо нее. Она не взглянула даже на него. Тот фыркнул и заскочил в избу.

Эгиль сидел за столом, крутя в руках деревянную резную ложку. Его взгляд был задумчивым, а пальцы гладили узоры на ложке, словно он пытался найти в них ответ на свои мысли.

— Просья, — обернулся к двери северянин, услышав лёгкий шорох. — Как думаешь, взять с собой до волока в сторону Итиля Светозара? Или сам пущай добирается?

Домовой, снова принявший свой обычный облик, задумался. Князь ему не нравился — весь род его был скользким, словно уж, и доверия не вызывал. Но кто знает, кого хочет видеть мужем Вилька? А потому Прошка кивнул, мол, бери.

Эгиль поднялся наверх, где в одной из комнат расположился Светозар. Долго они о чём-то говорили — то тихо, то повышая голос, но слов разобрать было невозможно. Только через час Эгиль спустился вниз.

Наутро Светозар стоял на пристани раньше всех. Его фигура выделялась среди хирдманов — высокий, статный, с гордо поднятой головой. Видать, сговорились они с норманом, и теперь князь был частью их команды, хоть и временно.

Вскоре драккары отошли от берега. Вёсла ударили по воде в такт песне гребцов, и корабли медленно поплыли в обратный путь. Вода расступалась перед их носами, а ветер наполнял паруса, унося их всё дальше от Адельгейи.

Северянин стоял на корме, его взгляд был устремлён на удаляющийся берег. Он не знал, что ждёт их впереди, но чувствовал, что этот путь изменит всё.

Светозар, стоявший неподалёку, смотрел на него, но не заговаривал.

Вскоре городище скрылось за поворотом реки. Князь устроился под пологом и, кажется, задремал. Домовой злобно сверкнул глазами в его сторону и присел на скамью рядом со Свеном. Рыжий здоровяк решил плыть вместе с ними, несмотря на просьбу Веданы остаться с ней. Девушку оставили у наместника, пообещав забрать потом, опосля того как вызволят Вильфриду. Они переглянулись, но оба промолчали.

Гранька, стоявшая рядом с Эгилем, тоже молчала. Да и что тут скажешь, тут действовать надобно, а не языками чесать.

Отец

Вот только стояла она и видела своих домочадцев, женихов и... Кощея, то бишь отца. А теперь их нет, ну, кроме последнего. Этот-то вон стоит, ухмыляется. Так бы и дала по роже его бессовестной. Умыкнул он её прямо из-под носа всех, и ведь как шустро это получилось? Даже Вильфрида сама не поняла, как оказалась совершенно в другом месте, одна с Кощеем.

Он отошёл от неё. Осмотрел убранство своих хором, покачал головой, махнул рукой и повернулся к дочери.

— Ну что, дочь, ты рада, что мы наконец свиделись? Небось искала тятьку?

«Рада? Да не очень-то! Тятька выискался, тоже мне!» — подумала Вильфрида, скрестив руки на груди.

— И зачем явился? — спросила она холодно.

Бессмертный, конечно, предполагал, что встреча с дочерью будет не идеальной, но всё же: где уважение? Как её вообще воспитали такой? Он же отец её кровный. Ну нечисть, считай, да, но что такого-то? С кикиморой и домовым вон любезничала. А он чем хуже?

— А тебя не учили уважению к старшим, тем более к родичам своим? — спросил он, стараясь сохранить спокойствие, но в душе поднималась злоба. «Ищешь тут её, понимаешь. На ступе треклятой катаешься, а она нос воротит. Да другая на шею бы уже кинулась. Такой чародей и её отец. А эта стоит, руки в боки уперла!»

Это было последней каплей. Вильфрида подскочила к нему и ткнула пальцем ему в грудь, закричав:

— Кому сказать спасибо за их гибель? А? Ты всё это! Твои тёмные делишки привели к тому, что нет боле моей семьи. Всё ты! — она тяжело выдохнула и продолжила: — Из-за тебя кузнец побил мать, она сбежала от него со мной, младенцем на руках. Да там, в лесу, и встретила нечисть, да отдала меня, чтобы я жила. Маре меня пообещала. А сама... сама стала юродивой, тенью бездушной, считай, — Вильфрида усмехнулась. — Правда, прожила дольше, чем отец. Да и сгинула! И ты смеешь мне пенять?!

— Что? — непонимающе уставился он на неё. — А как же? Кто тебя ж растил-то тогда?

Про гибель Любавы он не знал, не допустил бы того, наверное.

Вильфрида презрительно осмотрела его и подумала: «Врёт, что не знает о моей судьбе? Или и правда не ведает?»

— Нечисть и растила, ведьма болотная да Прошка с Граней. Они моей семьёй и стали, — ответила она, отходя от него. Смахнув пыль с лавки, она присела. — Что-то тут за порядком никто не следит у тебя. Домовой-то твой где?

— Нечисть? — переспросил он, явно поражённый.

— Конечно! Ведьма Ясиня меня и растила, колдовскому делу учила да ведовскому.

Кощей начал прохаживаться по пыльному полу, понимая, откуда у дочери такие манеры взялись. Точнее, их отсутствие.

«Ладно, как-нибудь справлюсь с этим. А прошлого не вернуть и не изменить. Значит, нужно решать дела насущные здесь и сейчас», — подумал он.

— Добрышка! — крикнул он, ожидая своего домового, который должен был следить за порядком в хоромах. Но, судя по слою пыли и свисающей паутине, тот явно забыл о своих обязанностях. Вон даже все горшки тенётой затянутые стоят.

На его зов никто не откликнулся. Он позвал ещё раз, громче, но домовой так и не появился.

— Да что это такое! Стоит отлучиться на несколько веков, и всё — возвращаться уже некуда! Добрышка, а ну вылазь, говорю, разговор есть!

Вильфрида, наблюдая за новоявленным отцом, покачала головой. «Кто ж так зовёт домового, который столько веков не видал хозяев? Он небось уже на последнем издыхании. Терем-то вон тоже подправить надо бы. А сила духа в доме. Нет в доме порядка, и домовой без сил останется. А ещё колдуном себя великим кличет».

— Не придёт он к тебе, — сказала она.

— Почему это?

— Он небось лежит где-нибудь без сил и двинуться не может. А ты ещё с таким криком зовёшь, что понятно каждому — всыплешь ему.

Бессмертный задумался. А ведь дочь говорит верно, надобно того сыскать наперво, а потом и терем в порядок привесть.

Он отправился искать своего домового и нашёл его... на улице, играющим в какую-то игру (название которой он позабыл, память-то ужо не та стала) с кикиморой.

— Сил у него нет, ага, как же! — проворчал Кощей, глядя на то, как ловко дурит дух свою подружку.

Добрышка замер, сжимая в руке горошину, которую так и не успел положить на доску.

«Мерещится мне али нет, что голос хозяйский я слышу? Того, почитай, уже несколько веков нет, молва говорила, и сгинул он ужо. А меня...»

— Ты что ж это, окаянный, в хоромах устроил? — раздался голос хозяина.

«Нет, не мерещится».

Домовой аккуратно положил свою горошину и отжал несколько штук у соперницы, только потом медленно повернулся.

Хозяин, его великий и могучий колдун, стоял перед ним живехонький и... злой.

Добрышке ничего не оставалось, как защищать себя.

— О, явился наконец! Ещё и на домового своего кричит. Ух, я зол... — начал было он.

Бессмертный удивлённо уставился на своего всегда покладистого домового, не узнавая того. Видимо, даже у духов может испортиться характер, когда они живут без хозяина.

— Зачем это мне зря свою силушку тратить и порядок поддерживать в хоромах, ежели хозяин пропал невесть где? Вот и берёг силы, чтобы прожить это время...

— Силу, говоришь, берёг... — протянул колдун.

Домовой замер. Видно, от трёпки ему не избежать. Он попятился от хозяина, готовясь к худшему.

«Пересижу-ка я пока подальше отселя», — пробормотал домовой, крутанувшись на пятках, и попытался сбежать. Но Бессмертный, словно коршун, к нему метнулся, перехватил его поперёк туловища и, не дав опомниться, поволок обратно в дом.

Добрышка, болтаясь в воздухе, пытался вырваться и орал одно и то же:

— Говорю же! Силу берёг я, потому и не наводил порядок... Да пусти ты, чтоб тебя чуры унесли!

«Но куда там унесут, как же... Он же бессмертный, терпи его теперь до скончания веков», — подумалось духу.

Кощей молча тащил его, не обращая внимания на крики. Лишь когда они зашли внутрь, он наконец ответил:

— Вот и пригодятся теперича твои накопленные силы.

Домовой замер, как только увидел девушку, стоявшую посреди комнаты. Он принюхался, учуяв знакомый запах, и удивлённо охнул: «Дочь небось? Вона как прёт духом от неё хозяйским. Это ж откель у нежити этой дитё взялося-то? Но, навроде, эта посмирнее его будет? А потому, ежели она с таким же характером, жизнь его будет тяжкой с этими двумя».

Бессмертный поставил Добрышку на пол, и тот тут же рванул за печку, чихнув пару раз от пыли, им же и поднятой.

— Да всё-таки пыльновато как-то тута, — тихо пробормотал он себе под нос. — Конечно, когда я последний раз сюда залазил-то, спал вона на хозяйской кровати. А чего хорошему месту пропадать?

Он вздохнул, понимая, что теперь спать ему снова за печью. А ещё и порядок наводить. Сам-то Кощей и пальцем не шевельнет, свои придётся силы тратить на то.

— Добрышка, вылазь по-хорошему и займись своими прямыми обязанностями, — раздался голос Бессмертного.

Домовой только чихнул в ответ, но выйти всё-таки не решился.

Колдун вздохнул и хотел было применить силу, но дочь его остановила.

— Не стоит так с духами, тем более домовыми, — тихо сказала она. — Поговорить с ним надобно. Задобрить.

«Задобрить? А ещё чего ему!? Может, пряников напечь?» — недовольно подумал хозяин терема, но промолчал.

Вильфрида подошла к печке и заговорила с местным домовым:

— Добрышка же тебя величают? — В ответ была лишь тишина. — Меня Вильфрида зовут. Ведьма я, из других мест прибыла. Дочка я его, — мотнула она головой в сторону стоявшего поодаль отца. «Ну что теперь... Отец же! Так и стану величать».

Домовой охнул про себя: «Ещё и ведьма, мало ему одного колдуна!»

— Вылазь. Не бойся. Я тебя в обиду не дам, — продолжила она. Её голос был мягким и располагающим к себе.

Добрышка не удержался. Он вышел, но глаза его были устремлены в пол. На этих двоих боязно ему было поднять взгляд. Заодно он и понял, сколь же он не прибирался тут. Понятно ему стала и злость хозяина. Сам-то он поначалу наводил здесь порядок, как и положено, но потом, спустя лет пятьдесят, забросил это, понимая, что либо будет чистота, либо он сгинет. Терем рушился, а с ним и его силы таяли. Вот и не тратил своё колдовство.

— Давай ты мне поможешь и наведёшь здесь порядок, какой и должен быть? — предложила Вильфрида. — А я тебе пирогов потом напеку, да каши с маслом сделаю.

«Ну точно пирогов... Уши бы ему оторвать, а она пирогов?» — подумал Кощей терема, но смолчал вновь, чего зазря с дочкой ругаться.

Домовой осмелился и поднял на неё взор. Она мило улыбнулась, и он растаял от этой улыбки. Кивнул в ответ и принялся за свои обязанности. Махнул рукой, и из угла голяк вылетел, принялся тенёту сметать. Горшки в лохань попрыгали, а из кадушки туда уже вода налилась. И начало всё греметь, шипеть да порядки наводить.

— Молодец, дочь! — одобрительно произнёс Бессмертный, глядя, как ловко она духа уговорила на работу.

Вильфрида поморщилась от этого обращения, но промолчала. Прошла мимо него. Лучше она за домовым понаблюдает, всяко лучше, чем с ним общаться.

А тот кивнул ей да и вышел прочь. Ему ещё банника и овинника будить надобно, тоже небось ничего не делали.

Пока Кощея не было, она прошла по всем хоромам. Богато живёт её отец-то. Жаль лишь, что Добрышка не поддерживал здесь порядок, Прошка бы такого не допустил. Но и его понимала — что за жизнь свою переживал.

Колдун меж тем назад вернулся, проводил задумчивым взглядом дочь, которая наверх пошла. Видел он её недовольство, но то пока временно. Привыкнет, никуда не денется. Он её теперь никуда не отпустит. Её, такую сильную ведьму, он давно искал. И надо же подумать, сам принял участие в её появлении на свет. Оставалось лишь сдружиться с нею. А там гляди и поймёт, что дело у них общее. Мара им обоим страсть как опасна.

«Почему боги всегда отвечают так расплывчато? — думал он. — Нет чтобы так и сказали: «Эта вот женщина станет матерью сильной ведьмы, но при условии, что ты будешь отцом». Сколько бы я тогда времени сэкономил и, может, даже не попался бы Маре в полон?»

Но теперь всё было иначе. Вильфрида была здесь, и он сделает всё, чтобы она осталась и помогла ему от проклятой жницы избавиться.

Вилька медленно шла по палатам, её шаги были едва слышны, она ступала по мягким шкурам, устилавшим пол. Эти помещения сложно было назвать просто комнатами — это были настоящие хоромы, достойные самого князя. Впрочем, Кощей и был князем, князем нежити всякой.

Тяжёлые парчовые завеси, расшитые золотыми нитями, скрывали слюдяные оконца, составленные из разноцветных кусков. Свет, проникая сквозь них, разливался по комнате причудливыми узорами, окрашивая всё вокруг в мягкие оттенки зелёного, синего и красного. Вильфрида коснулась одной из завес, и её пальцы ощутили прохладу ткани. Золотые кисти на концах занавеси тихо зашуршали, словно отвечая на её прикосновение.

Серебряные кувшины и подносы, украшенные тонкой чеканкой, стояли на массивных дубовых столах. На некоторых из них, на подушках из аксамита лежали драгоценные камни — смарагды, яхонты да адамасы, — словно брошенные там впопыхах. Ведьма подняла один из камней, и он заиграл в её руке, отражая свет.

Шкуры зверей — медведей да волков — устилали пол и постели. Они были мягкими и тёплыми, словно сохраняли тепло своих прежних хозяев. Девушка присела на одну из кроватей, её рука скользнула по меху. Она закрыла глаза, представляя, как здесь, в этой роскоши, живёт её отец.

Но больше всего её манил погребец. Она знала, что именно там могут быть клети из сна — те самые, что Мара во сне ей показывала. Её сердце забилось быстрее при мысли об этом. Что, если они действительно существуют? Аль то всё морок был?

Она поднялась и продолжила осмотр. В одной из комнат её внимание привлекла большая деревянная дверь, украшенная резными узорами. На ней были изображены странные символы — спирали, звёзды, переплетающиеся линии. Ведьма осторожно толкнула дверь, и та с лёгким скрипом открылась.

За ней оказалась библиотека. Полки, уходящие вверх до самого потолка, были заставлены свитками, перехваченными кожаными шнурками. В воздухе витал запах старой бересты и пыли. Ведьма подошла к одной из полок и взяла в руки один из свитков. На поверхности того были выцарапаны странные знаки, которые она не могла прочитать.

— Что ты здесь делаешь? — раздался голос за её спиной.

Вилька обернулась. В дверях стоял Кощей.

— Просто смотрю, — ответила она.

— Эти свитки пока не для тебя, — сказал он, подходя ближе. — Они полны знаний, которые могут быть опасны даже для таких, как ты. Придёт время, и я отдам их тебе, а пока нет в тебе той силы, что сможет совладать с этим знанием.

Дочка кивнула. Она положила свиток обратно на полку и прошла мимо отца.

— А погребец, у тебя в тереме есть погребец? — сказала она, не оборачиваясь. — Ты покажешь мне его?

Колдун замер на мгновение, затем вздохнул.

— Погребец — не место для тебя, — ответил он. — Там много тёмного. Дела мои, прошлое там. Не стоит то тебе глядеть.

— Но я хочу увидеть, — настаивала Вильфрида.

— Хорошо, — сдался мужчина, тяжело вздохнув. — Но сперва поедим, голоден я.

Они спустились вниз, где уже закончил уборку Добрыша. Терем теперь сверкал чистотой. Пыль исчезла, паутина была сметена, а деревянные полы блестели, будто только что вымытые. Даже воздух стал свежее, словно в дом вдохнули новую жизнь.

Ведьма, оглядевшись, кивнула одобрительно.

— Ну, теперь другое дело, — сказала она, направляясь к печи, стоявшей в углу.

Она выбрала пузатый глиняный горшок, который стоял на полке, и принялась готовить обещанную домовому кашу. Зерно, масло, немного соли — всё это она нашла в кладовой, которая, к её удивлению, оказалась полна припасов. Видимо, Добрыша всё же старался поддерживать хоть какой-то порядок. Ну или то магия отца.

Кощей сел за стол, наблюдая за дочерью. Его взгляд был задумчивым, он смотрел, как ловко управляется девушка с печкой и ухватом.

— Кашу, говоришь, варишь? — спросил он, стараясь скрыть лёгкую улыбку.

— А то, — ответила Вильфрида, не отрываясь от дела. — Обещала домовому, значит, надо выполнить. Да и тебе, видать, не помешает подкрепиться. Давно домашнее варево ел?

Добрышка, стоя в углу, смотрел на неё с благодарностью. Его маленькие глаза влажно блестели, а руки нервно теребили край кушака.

— Спасибо, хозяюшка, — прошептал он. — Уж больно давно я каши настоящей не пробовал. А уж если с маслицем, — он мечтательно облизнулся.

— Не за что, — отмахнулась Вилька, помешивая кашу. — Ты порядок навёл, а я своё слово сдержу. Вечером ещё и пирогов напеку. С капустой.

Домовой сглотнул слюну, пироги он уважал, особливо если с капустой.

В этом они были похожи с Прошкой, подметила про себя Вила и грустно вздохнула.

Вскоре аромат свежей пшеничной каши заполнил терем. Вильфрида разложила её по мискам и поставила на стол. Кощей, не дожидаясь приглашения, взял ложку и принялся есть с аппетитом.

— Ну что, Добрышка, садись, — сказала Вильфрида, пододвигая и ему миску.

Домовой, смущаясь, уселся на краешек лавки и начал есть, шумно дуя на горячую ложку и отправляя ту в рот.

— Неплохо, — наконец произнёс Бессмертный, отодвигая пустую миску. — Каша как каша, навроде как, но с душой.

— Спасибо, — сухо ответила Вильфрида, но в её глазах мелькнула тень улыбки. Всё-таки приятно любой бабе накормить голодных домочадцев.

Добрышка махнул рукой, и миски отправились на помывку. Всё ж приятно иметь в дому такого помощника. Это обычным бабам духи не показываются, а вот ведьмам завсегда подсобят по хозяйству.

Оставалось познакомиться и с другими духами дома.

Хольмганг

Волхов, сидя в своём тереме, чувствовал, что нащупал ту ниточку, которую так долго искал. Сам он не мог надолго покинуть свои владения, но следить за князем и северянином было необходимо. Мысль о русалках пришла ему как единственное верное решение. Они были быстры, незаметны и преданы водяному, а тот ему.

Когда водяной вошёл в двери, Волхов едва заметно кивнул, поманив его ближе. Водяной поклонился, подошёл ближе.

— Слушаю, владыка, — прошептал водяной, не поднимая головы.

— Отправь своих речных девок, — начал Волхов, его голос был спокоен, но в нём чувствовалась властная нота. — Пусть следят за теми двумя. Князь и северянин — они не должны ускользнуть от вашего внимания. Как только они сыщут ту гору, доложи мне сразу, который сыскал и где. Понял!?

Водяной кивнул, его губы растянулись в улыбке, обнажив острые щучьи зубы.

— Будет сделано, хозяин! Девки мои не подведут. Ни одна тень не скроется от их глаз, ни один шаг не останется незамеченным.

— Хорошо, — Волхов откинулся на резном троне, его взгляд стал задумчивым. — Ступай. И помни — время дорого.

Водяной исчез так же тихо, как и появился, оставив после себя лишь лёгкий запах речной тины. Волхов остался один, его мысли уже были далеко: он представлял, как русалки скользят по воде, их тела блестят в лунном свете, а глаза горят холодным огнём. Они будут его глазами и ушами, его невидимыми слугами.

А пока он ждал.

Светозар нервно шагал по палубе, его шаги тихо звучали, отдаваясь глухим стуком. Ночь была тёмной, лишь слабый свет звёзд отражался в чёрной воде. Тишину нарушал только плеск волн да скрип вёсел, которые мерно погружались в воду, словно отсчитывая время.

Мысли его были заняты разговором с Мокриной. Её слова, её взгляд — всё это не давало ему покоя. Она знала что-то, что не сказала. Что-то важное. А теперь ещё и Итиль... Как оттуда добираться до Искоростеня? Но это всё же ближе, чем от Волхова.

Он прошёлся ещё раз, сжав кулаки, и наконец опустился на палубу, прислонившись спиной к борту. Закрыв глаза, он попытался успокоить дыхание, но сердце билось так, будто хотело вырваться из груди. В голове его проносились обрывки мыслей, воспоминаний, страхов. И среди всего этого — образ Макоши. Богини судьбы, прядущей нити жизни.

— Макошь, — прошептал он в темноте, не открывая глаз. — Дай мне знак. Укажи путь. Где искать её? Где эта ведьма, что ты связала со мной и принесла тем самым столько бед? Я не прошу многого — только направь меня. Дай понять, куда идти.

Он сидел, прислушиваясь к тишине, к ночи, к своим мыслям. Где-то в глубине души он надеялся, что богиня услышит его. Что она даст ему знак — может, через сон, через случайное слово, через видение.

Но ночь молчала. Только ветер слегка шевелил его волосы, да вода продолжала плескаться о борт. Светозар вздохнул и открыл глаза, глядя в звёздное небо. Он знал, что не сможет уснуть, но и сидеть сложа руки тоже не мог. Утром они продолжат путь, а пока... Пока он будет ждать. Ждать знака, который, как он надеялся, всё же будет.

Светозар проснулся от громких голосов. Гребцы затянули свою песню, их голоса сливались в единый ритмичный напев, который разносился по реке, нарушая утреннюю тишину. Он потряс головой, пытаясь стряхнуть остатки сна, и с недовольством потёр глаза.

— Ну вот чего горланить-то с утра спозаранку? — пробормотал он себе под нос, раздражённо оглядываясь. — Нешто дел больше нет, как только песни орать?

Его взгляд скользнул к корме, где уже кипела жизнь. Эгиль тоже поднялся и стоял на носу, устремив взгляд вперёд. Его серая рубаха была слегка помята, рукава закатаны до локтей, а руки засунуты за пояс. Рядом с ним суетился домовой ведьмы. Светозар невольно скривился, глядя на эту парочку.

— Тьфу, — сплюнул он в воду, выражая своё презрение.

Но едва он это сделал, как получил резкий подзатыльник от Свена, который стоял рядом.

Светозар оскалился, его глаза сверкнули гневом, но в глубине души он понимал, что Свен прав. Однако признавать это вслух он не собирался.

— А ты меня ещё поучи! — выпалил он, сжав кулаки. — Без тебя знаю, что мне делать!

Свен, не меняя выражения лица, покачал головой. Его рыжие волосы, слегка растрёпанные ветром, казались ещё ярче в утреннем свете.

— Будешь дурить — выкину за борт, и всех делов, — произнёс он ровным голосом, но в его словах чувствовалась тихая угроза. — Боги не прощают глупостей.

Светозар замер на мгновение, глядя на северянина. В его глазах читалось недовольство. Он знал, что Свен не шутит. Этот рыжий гигант был человеком слова, и если он что-то обещал, то выполнял.

Эгиль, стоя на носу, не мог сдержать усмешки, слушая перепалку Светозара и Свена. Первые сутки в пути, а князь уже успел настроить против себя даже самого смирного члена хирда. «Недолго ему осталось, — подумал Эгиль. — Если будет продолжать в том же духе, его и правда за борт выкинут».

Прошка, домовой ведьмы, скосил глаз на Светозара и тоже спрятал усмешку. Его маленькие, хитрые глазки блестели от смеха. «Не доедет князь до Итиля, — думал он. — Высадят его по дороге, как всем надоест. И туда ему дорога!». Вспомнив, каким Светозар был до Пекла, Прошка покачал головой. «Совсем дурным стал. То ли полон его сломил, то ли Пекельный владыка душу ему испортил. Кто его разберёт».

Кикимора, притаившаяся в тени, тоже наблюдала за происходящим. Её тонкие пальцы перебирали прядь мокрых волос (и когда успела искупаться), а глаза, холодные и внимательные, следили за каждым движением Светозара. Она заметила, как он изменился. Раньше в нём была хоть капля смирения, хоть тень прежнего достоинства. Теперь же он стал злее, резче, словно внутри него что-то сломалось. «То ли плен его так изменил, вою не пристало в клети сидеть, — размышляла и кикимора о том же, о чём думал и Прошка. — То ли душа его почернела, пока у Пекельного владыки гостил, может, кто из бесов соблазнился чем? Эти могут. Но кто-то знает...»

Она вздохнула. «Тёмные времена настают, видать, — подумала она, — и тёмные люди в них править станут».

Светозар тем временем стоял у борта, глядя на воду. Он чувствовал на себе взгляды, но не оборачивался. В его душе бушевали противоречивые чувства: гнев, обида. Он знал, что меняется, но не мог остановить это.

— Ладно, — пробормотал он себе под нос, — доберусь до Искоростеня, а там видно будет. К Беловиду схожу, он разберётся.

С тем и успокоился. Но три дня относительного спокойствия закончились так же внезапно, как и начались. Они уже вошли в Итиль, когда Светозар снова дал волю своему дурному нраву. На этот раз его гнев обрушился на самого Эгиля.

— Ты, пользуясь глупостью бабы, голову ей задурил! — кричал Светозар, его голос звенел, как натянутая тетива. — За моей спиной невесту у союзника увести решил! Не пущу я вас больше через свои земли, слышишь? Никогда!

Эгиль, стоявший на палубе, медленно повернулся к князю. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах загорелся холодный огонь.

— Что ты несёшь, князь? — спросил он, его голос был тихим, но в нём чувствовалась тихая ярость. — Ты сам не понимаешь, что говоришь.

Но князь уже не слышал. Злоба, как волна, захлёстывала его разум. Он чувствовал, как кровь приливает к лицу, а руки сами тянутся к мечу. Тронув тот, снова раскричался.

— И меч мой, Харалуг, увести хочешь, да? — заорал он, уже почти теряя контроль. — Не бывать этому! Никогда!

Эгиль вздохнул. Он понимал, что словами тут не поможешь. Его терпение лопнуло.

— Гребцы, к берегу! — скомандовал он, не отрывая взгляда от князя древлян. — Пристаём.

Драккар медленно направился к берегу. Светозар, всё ещё кипя от ярости, не сразу понял, что происходит. Но когда они пристали, северянин шагнул вперёд.

— Князь, — сказал он, его голос звучал как приговор. — Ты оскорбил меня и мою честь. По обычаям наших предков, мы должны решить этот спор в хольмганге — поединке богов. Кто победит, того и правда. Биться будем до первой крови.

Тот замер на мгновение, но затем его губы растянулись в злой усмешке.

— Хольмганг? — выдохнул он. — А давай, северянин! Покажу тебе, как древляне с обидчиками разбираются.

Эгиль кивнул, его лицо оставалось непроницаемым. Он снял плащ, обнажив мощные плечи и руки, покрытые татуировками. Светозар тоже приготовился, сжимая рукоять меча.

Гребцы и остальные члены команды молча наблюдали за происходящим. Даже Прошка и кикимора, обычно не упускавшие случая для насмешек, теперь хранили молчание. Все понимали, что это не просто ссора — это вопрос чести.

— Начинаем, — произнёс норман, обнажая свой меч.

Древлянин кивнул, и в следующую секунду они сошлись. Мечи звенели, искры летели в разные стороны. Светозар атаковал яростно, его удары были сильными, но не всегда точными. Злоба, кипевшая в нём, лишала его хладнокровия. Он рубил с размаху, словно пытался не просто победить, а уничтожить своего супротивника.

Эгиль, напротив, держался спокойно. Его движения были спокойными, каждый удар — точным. Он не тратил лишних сил. Его глаза, холодные и сосредоточенные, следили за каждым движением Светозара, предугадывая его действия.

— Ну что, князь, — произнёс Эгиль, отбивая очередной удар, — где твоя ярость? Или ты только кричать мастак? — поддразнил он того.

Древлянин не ответил. Его дыхание стало тяжёлым, на лбу выступил пот. Он понимал, что северянин в боях опытнее, но сдаваться не собирался. В его глазах горел огонь.

— Не... не смей... — прошипел он, снова бросаясь в атаку.

Но норман был готов. Он ловко уклонился от удара и вдарил в ответ. Его меч скользнул по руке Светозара, оставив тонкую кровавую полосу.

— Первая кровь, — произнёс Эгиль, отступая на шаг. — Поединок окончен.

Светозар замер, глядя на свою рану. Кровь медленно стекала по руке, но боль он почти не чувствовал. В его душе бушевали эмоции: злость, унижение. Он проиграл.

— Ты... ты... — начал он, но слова застряли в горле.

Северянин опустил меч и подошёл к князю. Его лицо больше не было холодным — в глазах читалось что-то похожее на сожаление.

— Княже, — сказал он тихо, — ты сам себя загнал в угол.

Светозар не ответил. Он стоял, сжав кулаки, и смотрел в землю. Вокруг царила тишина. Даже гребцы, обычно шумные и весёлые, молчали.

Прошка, наблюдавший за всем этим, покачал головой.

— Ну и дела, — пробормотал он. — Совсем князь с пути сбился.

Кикимора, стоявшая в тени, тоже молчала. Её глаза следили за Светозаром. Она видела, как он сломлен, но в её взгляде не было ни жалости, ни злорадства.

Эгиль вздохнул и повернулся к остальным.

— Поединок окончен. Правда за мной. Но это не значит, что мы враги. Собирайтесь, движемся дальше. А ты, Светозар, — он вновь повернулся к князю, — останешься тут. Я не могу хирд подвергнуть опасности. А ты стал опасен. И для себя тоже.

Светозар остался стоять на месте. Он чувствовал, как на него смотрят, но не мог поднять голову. В душе его бушевала буря, но теперь это была не ярость, а пустота.

— Что же со мной происходит? — прошептал он себе под нос. — И с чего на него накинулся?

Светозар махнул рукой, словно отмахиваясь от всего, что происходило вокруг, и медленно побрёл вдоль берега. Его шаги были тяжёлыми, словно каждый из них давался ему с трудом. Он не обращал внимания на то, куда идёт, ему просто нужно было уйти. Уйти от всех, от себя, от этой невыносимой тяжести, что давила на грудь.

Он и не заметил, как свернул с берега в лес. Тот постепенно сгущался вокруг него. Сначала это были редкие деревья, потом чаща стала плотнее, ветви сплетались над головой, закрывая небо. Воздух наполнился запахом мха и прелых листьев. Древлянский князь шёл, не замечая, как меняется мир вокруг него. Его мысли были далеко.

Он не заметил, как оказался в самой глубине леса. Деревья стояли плотной стеной, их стволы, покрытые мхом, казались древними стражами, наблюдающими за ним. Тишина была почти зловещей — ни пения птиц, ни шороха листьев. Только его шаги, глухо отдающиеся в этой тишине.

Светозар остановился, оглядываясь вокруг. Где он? Как он сюда попал? Лес был незнакомым, чужим. Даже воздух здесь казался другим — густым, тяжёлым.

— Что я делаю? — прошептал он, но его голос потерялся в тишине.

Он сел на корни старого дерева, опустив голову на руки. Усталость накрыла его, как волна. Он чувствовал себя разбитым, опустошённым. Всё, что оставалось, — это пустота и тихий, но настойчивый голос где-то в глубине души, который шептал: «Ты сбился с пути».

Князь закрыл глаза. Лес вокруг него будто замер, словно ждал, что он сделает следующий шаг. Но куда идти? Куда бежать? Он не знал.

Отдохнув и почувствовав, как силы постепенно возвращаются к нему, Светозар решил, что пора двигаться дальше. Он встал, огляделся и твёрдо решил выйти обратно к реке. «По ней дойду до волоков к Славутичу, — думал он, — а там уже сыщу корабль домой».

Но лес, казалось, имел на то свои планы. Князь шёл, ориентируясь по солнцу, по мху на деревьях, по звукам, которые, как ему казалось, доносились со стороны реки. Однако, сколько

бы он ни шёл, через некоторое время он снова оказывался на той же поляне, у того же древнего дерева.

— Что за бес меня водит? — пробормотал он, останавливаясь и оглядываясь вокруг. — Я же шёл прямо к реке!

Он попробовал ещё раз, на этот раз делая зарубки на деревьях своим мечом, чтобы не сбиться с пути. Но через час блужданий он снова стоял на знакомой поляне. Словно Леший водил его по кругу, не давая выйти. Князь вывернул рубаху наизнанку, произнес обережные слова. И снова двинулся в сторону, как ему казалось, реки. И… вновь вышел на поляну.

Уже темнело. Солнце клонилось к закату, и тени становились длиннее. Светозар почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он понимал, что ночь в лесу — не лучшее время для путника, особенно если этот лес явно не хочет того путника отпускать.

— Ладно, — вздохнул древлянин, — видно, сегодня дальше не уйти.

Он нашёл небольшую ложбинку между корнями огромного дерева. Место было укрытое, защищённое от ветра, и Светозар решил, что здесь можно переночевать. Он собрал немного сухих веток, пару камней, высек искру и развёл небольшой костёр, да устроился на ночлег.

Огонь трещал, отгоняя тьму и холод. Князь сидел, прислонившись к дереву, и смотрел на пламя. Мысли его были тяжёлыми.

— Что со мной происходит? — прошептал он, глядя на огонь. — Почему я не могу найти дорогу?

Лес молчал. Только ветер шелестел листьями, да где-то вдалеке кричала сова. Светозар закрыл глаза, чувствуя, как усталость накрывает его.

Утром он снова решил попытать счастья. Умывшись росой с травы, наскоро перекусил поздними ягодами, найденными тут же, и пошёл. Шёл долго. Лес то сгущался, то редел. А река так и не появлялась.

Князь уже совсем выбился из сил. Идти заставляло лишь то, что на поляну пока так и не вернулся. Может, и удастся ему отсель вырваться. Запнувшись о корягу, чуть не упал, выругался. Осмотрел разодранные штаны, покачал головой и сплюнул. Хотел было сделать шаг, как в этот момент мимо него пронёсся заяц. Обычный серый заяц. Светозар, наверное, бы и не обратил на него внимания, если бы следом за ним не скакала огромная деревянная колода на четырёх кривых сучьях. Быстро перебирая ими, она, казалось, играла с зайцем в пятнашки. Тот ловко отпрыгивал в сторону, и колода тут же закладывала резкий поворот, пытаясь догнать косого.

Князь встал и следил за их бегом, при этом открыв рот. И тут за спиной раздался скрипучий голос:

— Рот-то прикрой, а то муху споймаешь…

Игоша

Эгиль стоял на берегу, его взгляд был прикован к удаляющейся фигуре Светозара. Он хотел окликнуть его, остановить, но в последний момент передумал. Что толку?

— Оглашённый, как есть, — пробормотал домовой себе под нос, махнув рукой, поворачиваясь к остальным. — Чего ему спокойно не плылось? Ни с чего набросился. Бесы будто его треплют, — продолжил он, пожимая плечами. — А может, и тёмный бог подсадил ему в душу что чёрное, пока князь в Пекле торчал? Кто его знает.

Кикимора, стоявшая чуть поодаль, сплюнула на песок и, не сказав ни слова, направилась к драккару.

«Эти мужики вечно такие, — думала она, шагая по берегу. — Лишь бы кулаками помахать. Как будто других дел нет».

Свен, единственный, кто, казалось, уже забыл о произошедшем, спокойно проверял оснастку корабля.

— Впереди и так путь тяжёлый, — пробормотал он, поправляя свой короткий топор, висящий на поясе. — Ещё обо всяких древлянах переживать.

Норман вздохнул и подошёл к драккару.

— Ладно, — сказал он, обращаясь к остальным. — Поединок показал, на чьей стороне боги. А нам пора в путь.

Кикимора, уже стоявшая на палубе, бросила последний взгляд на берег. Светозара уже не было видно.

Эгиль поднял руку, давая знак гребцам.

— Гребём! — крикнул он.

Драккар плавно скользил по воде, оставляя за собой лёгкую рябь. Лес, где остался Светозар, уже скрылся из виду, и впереди виднелись знакомые очертания берегов, они проплывали тут каждый год. До Славутича оставалось совсем немного, и норман, стоя на носу, задумчиво смотрел вдаль.

— Если встретим древлян, — сказал он, обращаясь к Свену, — расскажем им, где их князь. Бросать его совсем без помощи не хочется.

Здоровяк кивнул.

— Рискованно было бы брать его с собой, — добавил Эгиль. — Кто знает, что у него в голове. Вдруг ночью вскочит и всех нас перережет, как овец.

Свен лишь хмыкнул в ответ, но ничего не сказал. Он понимал, что его конунг прав.

Драккары продолжали плыть вперёд. Течение несло их по волнам, ветер надувал паруса, и гребцы лишь изредка помогали, чтобы не сносило к тонким берегам. Вокруг царила тишина, нарушаемая только плеском воды и криками чаек.

Мимо них проплывали небольшие селения словен и мерян. Деревенские, привыкшие к караванам северян, не прятались. Люди выходили на берег, чтобы посмотреть на проплывающие суда. Дети смеялись и кричали, иногда даже махали с крутых берегов, а самые отчаянные бросали в воду камешки, пытаясь попасть в корабли.

Северянин смотрел на них, и в его душе на мгновение стало теплее. Несмотря на все опасности, жизнь продолжалась. Люди жили, смеялись, радовались.

— Скоро будем в Родиничах, — сказал Эгиль, оборачиваясь к Свену. — Там решим, что делать дальше.

Здоровяк кивнул, его лицо оставалось спокойным. Родиничи, хоть и были небольшим селением мерян, славились своим гостеприимством. Там их знали, а значит, накормят, напоят и припасами поделятся. Это было важно, особенно в начале долгого пути.

К ночи они добрались до места. Селение мерян стояло на высоком холме, окружённое заборолом из толстых брёвен. Обычно ворота Родиничей были распахнуты, но сейчас они были наглухо закрыты.

— Что-то не так, — пробормотал Эгиль, пристально вглядываясь вдаль. — То ли врагов ждут, то ли ещё чего приключилось.

Он отдал приказ пристать к берегу, но ночевать решили на кораблях. Негоже было тревожить хозяев в позднее время, да и ситуация казалась подозрительной.

— Следить в оба, — строго сказал северянин, обращаясь к своим людям. — Мало ли что тут происходит.

Хирдманы кивнули. Ночь была тихой, но сейчас эта тишина казалась зловещей. Даже привычные звуки леса — крики сов, шелест листьев — теперь воспринимались как предупреждение.

Эгиль стоял на палубе, его взгляд был прикован к деревне. Он думал о том, что могло заставить мерян закрыть ворота. Враги? Набег? Или что-то другое, более страшное?

— Свен, — тихо позвал он. — Думаешь, стоит ждать до утра?

Рыжий великан, стоявший рядом, кивнул.

— Лучше не рисковать, конунг. Если что-то случилось, ночью мы всё равно не разберёмся. Утром будет видно.

Тот согласился. Он знал, что Свен прав. Но в душе его грызло беспокойство. Что-то здесь было не так, и он чувствовал это всем своим нутром.

— Ладно, — вздохнул он. — Поставим дозорных. Остальные пусть отдыхают. Завтра, чую, будет тяжёлый день.

И пока драккары тихо покачивались на воде, а звёзды холодно светили с неба, северянин стоял на палубе, глядя на тёмный силуэт Родиничей. В его душе зрело предчувствие, что впереди их ждёт что-то недоброе.

Утром Эгиль и Свен отправились к воротам Родиничей. Селение по-прежнему выглядело насторожённо, ворота были закрыты, а на стенах виднелись дозорные. Эгиль кликнул одного из них, чтобы тот позвал старосту.

Вскоре к воротам вышел пожилой мужчина с седой бородой и усталым лицом. Его глаза были полны тревоги, но в них также читалась надежда, вдруг пришлые чем подсобят.

— Беда у нас, — начал староста, едва северяне подошли ближе да спросили, в чём тут дело. — Помер у одной бабы дитёнок. Некогда было краду рядить, жатва шла, похоронили как есть, в землю прикопав. А тот возьми да и стань игошей.

Эгиль нахмурился, вспоминая. Припомнил, что игоша — это мелкий бес, душа неправильно похороненного или мертворождённого ребёнка. И что, ежели его не признать за домового духа, он начинает проказничать, а то и хуже — пить кровь.

— И что ж стало дальше? — спросил он, хмурясь и глядя на старосту.

— Теперь он дитём кикиморы стал, — ответил тот, вздыхая. — Деревню ночами изводит. То куры пропадают, то скотина болеет, то люди сны страшные видят. А давеча и вовсе одного мужика задавил. Вот мы ворота и закрыли, обережные знаки нарисовали.

Свен, стоявший рядом, хмуро кивнул. Он знал, что такие вещи нельзя оставлять без внимания. Игоша, если его не унять, мог погубить всё селение.

— Покажите нам, где его похоронили, — сказал Эгиль. — Мы попробуем разобраться.

Знал он обряд один, как изгонять таких бесов. Давно старуха рассказала, у которой они на постое были.

Староста кивнул и повёл их в селение. Родиничи, обычно шумные и оживлённые, сейчас казались вымершими. Люди прятались в домах, лишь изредка выглядывая из-за ставней.

Могила ребёнка была на краю деревни, под старым дубом. Земля на ней выглядела свежей, но вокруг неё было пусто — ни подношений, ни камней знаковых. Видно было, что хоронили в спешке.

Северяне осмотрелись, затем Эгиль повернулся к старосте.

— Нужно провести обряд. Игошу надо успокоить, иначе он не уйдёт.

Староста кивнул, его лицо выражало облегчение.

— Нужно, княже, но как — того мы не ведаем, а своего ведуна у нас нет. Что нужно, ты только прикажи, исполним как надобно.

— Воду из родника чистого, хлеб, соль и немного крови матери его, — ответил ему мужчина. — И пусть никто не подходит сюда, пока мы не закончим.

Староста поспешил выполнить указания, а Эгиль и Свен остались у могилы.

— Думаешь, это сработает? — тихо спросил здоровяк.

— Должно, — ответил тот. — Игоша — это душа, которая не нашла покоя. Ей имя нужно. А наречь только мать может! Но мы его кровью обманем.

Вскоре староста вернулся с необходимыми вещами. Эгиль взял воду, хлеб и соль, затем аккуратно окропил могилу, произнося древние слова. Потом он положил хлеб и соль на землю, а затем капнул кровью матери сперва на могилу, а затем на себя.

— Нарекаю тебя Дубомиром, душа твоя пусть покой сыщет, — произнёс он, завершая обряд. — Отправляйся, Дубомир, в Навь. И вернёшься лишь как Круг жизни твоей придёт.

Наступила тишина. Ветер, который до этого был и так едва заметен, вдруг совсем стих. Казалось, даже лес затаил дыхание.

— Готово, — сказал Эгиль, оборачиваясь к старосте. — Теперь он должен успокоиться.

Староста кивнул, его глаза были полны благодарности.

— Спасибо, — проговорил он. — Вы спасли нас.

Он пригласил их отдохнуть, и хирд радостно согласился. Жители отвели гостей наперво в баню, чтобы те грязь дороги смыли. А потом устроили небольшой пир для них. Они были благодарны им, что спасли не только их самих, но и душу дитёнка направили в место правильное, негоже ему маяться. Каждая душа имеет право на перерождение, главное — путь указать ей. И с тем справились иноземцы хорошо.

Наутро северяне уже были готовы выдвигаться дальше, когда к ним подошла немолодая женщина. Её лицо было опухшим от слёз, которые до сих пор лились из её глаз, а сами очи были совсем красные. Упала она под ноги Эгилю и завыла:

— Спасииибо... Что помогли моему сыну... Уйти... Я... Некудышная мать... Не уследила... Я... Я... Я виновата, что его не стало, я... Я должна была уйти, а он... Он должен был жить... — причитала баба, заламывая руки.

Он поднял женщину и усадил на лавку подле себя, и погладил ту по спине.

— Никто не знает, какой путь кому предрешён. Нет в том твоей вины, прости себя и отпусти своего сына. Вы ещё когда-нибудь встретитесь. Знай, он сейчас желает, чтобы ты продолжила жить и дальше, не нужно так себя мучить, в горевании прозябать. То не вернёт тебе сына, а себя на краду свести можешь. Живи дале, детей оставшихся воспитывай. Да новых рожай.

Женщина ещё раз всплакнула, поднялась и, благодарно кивнув, побрела прочь. Эгиль лишь вздохнул. Самое тяжкое для родителей — это когда дети уходят раньше, чем те сами, но такое всюду встречается. Дитяти — они хрупкие, уберечь их сложно.

— Вот ведь голосистая какая! — пробурчал дремавший до того на завалинке домовой. — С меня аж весь сон улетучился, когда она зарыдала и... — договорить не смог, получил подзатыльник.

— Ты сухарь! Вот были бы у тебя свои дети, и одного бы ты вот так же лишился, посмотрела бы я на тебя, как бы ты орал... — буркнула Гранька и отошла от него, недовольно ворча, ещё и руки на груди скрестила.

— Бабы и есть бабы, им бы лишь выть да причитать, — многозначаще протянул Прошка.

Эгиль стоял, глядя вслед уходящей женщине. Её горе было великим, и он понимал, что никакие слова не смогут полностью утешить её. Он сделал, что мог. Но долго горевать ей некогда скоро станет, видел он, что она опять на сносях ходит, а значит, новый ребятёнок затмит потерю.

— Пора нам, друже, дальше, помогли чем могли, — тихо сказал он, обращаясь к Свену. — Пора и честь знать.

Гигант кивнул, ему самому не терпелось двинуться дальше. Чем скорее нойду вызволят, тем скорее он к своей кюне вернётся. В дом и род свой введёт.

— Ну нет, вот ить голосистая какая! — снова заворчал домовой, потирая затылок после подзатыльника. — Я чуть с лавки не упал, как завопила, и эта туда же... — скосил он глаз на кикимору.

— А ты чурка бездушная! — огрызнулась Гранька. — У бабы горе великое, дитятко игошей стало, бесом проклятым. А ты… — она махнула рукой.

— Нового народит да и успокоится. Вы, бабы, это умеете ловко. Раз — и новый ребятёнок имеется, — тут же откликнулся Прошка. — А игошку-то чего жалко, вы ж, кикиморы, их заместо детей берёте. Чего себе не взяла?

— Я счас вот ухват возьму! — пообещала Граня.

— Вот же вздорная ты баба, Гранька, всё тебе не так, ничем не угодишь, — протянул Прошка, мотая головой.

Эгиль лишь вздохнул. Он знал, что такие разговоры, как обычно, приведут лишь к раздору промеж этой парочки, а потому решил не медлить и плыть дальше.

— Собирайтесь, — сказал он, обращаясь к своим людям. — Пора нам.

Драккары плавно скользили по воде. Скрип вёсел и плеск воды были единственными звуками, нарушающими тишину. Эгиль стоял на носу, глядя на горизонт. Мысли его были заняты предстоящим путём.

— Лишь бы лёд не встал рано, — пробормотал он себе под нос. — Иначе худо придётся. Санный путь медленнее будет.

Но пока было тепло. Солнце ещё грело, и осенний воздух был наполнен запахом леса и воды. Они плыли по землям мерян уже несколько дней и вскоре должны были войти во владения мокшан.

Мокшане — смуглые, круглолицые люди невысокого роста — обычно были мирными. Они занимались охотой и рыболовством, жили небольшими поселениями, разбросанными по лесам и берегам рек. Больших городищ у них не было, и северяне задумались, где бы им остановиться на постой, отдохнуть и пополнить припасы.

— Думаешь, найдём что-то подходящее? — спросил Свен, подходя к мужчине.

— Найдём, — уверенно ответил тот. — Мокшане хоть и живут разрозненно, но гостеприимны. Главное — не напугать их.

Здоровяк кивнул. Он то понимал. Лесные охотники были мирными, но и за себя постоять могли. А в густом лесу лук сподручнее топора станет.

К вечеру они заметили на берегу небольшое поселение. Небольшие низкие избы, крытые дёрном, стояли среди деревьев, а на берегу виднелись лодки. Дымок, поднимающийся из труб, говорил о том, что люди здесь есть.

— Пристаём, — решил Эгиль, — но осторожно. Не будем пугать их.

Драккары медленно подошли к берегу. Мужчины первыми сошли на землю, оставив остальной хирд на кораблях. Они подошли к ближайшему дому, где их встретил пожилой мужчина с седыми волосами и добродушным лицом.

— Мир вашему дому, — сказал Эгиль, слегка наклонив голову. — Мы путники, ищем место для отдыха и припасов. Можем ли мы остановиться здесь?

Мужчина внимательно посмотрел на них, затем кивнул.

— Мир вашему дому, — ответил он. — Останавливайтесь. У нас есть место и еда.

Эгиль поблагодарил, протянул тому серебряную куну за постой и вернулся к кораблям, чтобы сообщить остальным. Вскоре северяне уже разгружались, готовясь к ночлегу.

Мокшане оказались гостеприимными хозяевами. Они накормили гостей свежей рыбой и дичью, а также предложили место для отдыха. Конунг и его люди были благодарны.

— Завтра двинемся дальше, — сказал Эгиль, обращаясь к своим. — Но сегодня отдыхайте. Завтра будет тяжёлый день.

Хирдманы закивали, затрясли топорами, одобряюще покрикивая, их лица выражали радость. После долгого пути отдых был как нельзя кстати. Пусть они и были привычными к вечной качке, но на земле побыть им было приятно.

Сам же у костра присел, ворошит угли прутиком да в огонь смотрит. Тут и староста подошёл, северянин вспомнил, что того Гараем кличут. Тоже подле него пристроился. Сидит, молчит. Наконец заговорил:

— Издалеча путь держите?

Эгиль кивнул, мол, да. Лишнего он старался никому не рассказывать. Зачем то людям сторонним знать.

— Осень-то нонче какая тёплая, — пробормотал мужик, явно что-то другое сказать хотел, но смолчал.

В ответ лишь нового кивка удостоился.

— Я по делу пришёл. Вои-то твои небось по девкам соскучились, а нам новая кровь не помешает, — наконец перешёл Гарай к сути. — Так ежели кто хочет, может себе какую нравится из свободных выбрать. Может, кто и понесёт. Ночь-то сегодня вон какая дивная. Крепкие дети от таких ночей да робят нарождаются.

Эгиль усмехнулся, им такое предлагали часто. Деревни, что особняком жили, часто пришлым своих девок предлагали. И им хорошо, свежая кровь в селении будет, и пришлые спокойнее, делом занятые, дурить не станут. Потому кивнул, мол, пусть идут, кто хочет. Почти половина хирда и ушла. Нарезвятся за ночь. А к утру другие их сменят. Многие в селе понесут в этот день. А по лету появятся детишки, светлые, крепкие, на отцов своих похожие. Может, как ещё сюда заглянут. Тогда оставят этим детям тятьки вероятные подарки. Как не оставить, ежели и твоя кровь тут бегать может. За то и любили многие северян. Щедрые, крепкие, они оставляли хорошее потомство после себя, а ежели снова появлялись, то и одаривали матерей лентами да серебром. Не разбирая, чьё там дитя бегает. Главное, что их, северное. Не все, конечно, такие были, кто-то силой брал, что его по праву, но хирд Эгиля не любил мирный люд попросту обижать.

Домашние духи

Вильфрида лишь на третий день смогла добраться до знакомства с банником да овинником. То одно, то другое в дому отвлекало её от знакомства с духами. Даже в погребец так и не сходили. Кощей сразу опосля обеда куда-то смылся, только и видели они с Добрышей, что край его чёрного плаща, что мелькнул в воротах.

И вот наконец она решила сходить до овина, познакомиться с тем, кто хозяйство отцовское хранит. Зашла в сарай, поклонилась, поприветствовала духа как положено. Дары принесла: миску каши да кусок сыра. Поставила их в угол, позвала хозяина гумна. Осмотрела снопы, что лежали готовые к молотьбе. «Видать, кто-то тятьке из окрестных деревень полюдье платит», — подумала она.

Тут и сам овинник вышел. Росточку невысокого, чернявый. Стоит, за ус себя длинный дёргает да на неё чёрным глазом косит.

— С чем девка пожаловала? — заговорил жихарь, голос был немного скрипучим, протяжным.

Тут из-за спины его и жихарка выглянула, крепкая округлая баба, да пара малых жихарят. Тех ведьма разглядеть толком и не успела, мать тут же их за спину согнала. Овинник оказался духом обстоятельным, семью завести успел даже. Но то и хорошо, большой толпой-то завсегда проще запасы от мышей да прочей мелочи беречь.

— Познакомиться зашла, — проговорила Вилька. — Я какое-то время у отца поживу, а потому нужным посчитала и духов знать.

Жихарь важно кивнул. Мол, дело хорошее. Хозяйка в дому всегда к добру. Показал ей припасы, зерно, орехи на зиму, гору тыквы да кадушки с груздями и яблоками. Всё у него тут хранилось. Жонка его следом ходила, будто колобок катилась по пятам. Один из жихарят, мальчонка в драных портах, так и норовил ухватить ведьму за подол. Мать то и дело шикала на него.

— Не балуй! Не видишь, хозяйка по делу пришла, а ему всё играться. Вот я тебе ужо уши-то повырву, — выговаривала она непоседливому мальцу. Но в голосе не было злобы, лишь тепло материнское.

Тот на какое-то время отставал, а затем вновь принимался за своё. Наконец, осмотрев все владения семьи гуменных духов, Вила откланялась. Пора и честь знать. Да и к баннику наведаться с обдерихой. О том, что и тот семьёй живёт, токма без деток, ей жихариха рассказала. Мол, обдериха пусть и злобный дух, но баба смирная, почём зря не шалит.

Много духов в тереме водилось, не то что в её избе на болоте. «Будь там также, Гранька давно б себе мужа сыскала да не мучила Прошку тем. Но что теперь, как вышло…» С теми мыслями девушка вышла из овина, потянулась, подставляя лицо тёплому осеннему солнышку. Хорошо тут всё-таки, спокойно. Лес вон какой густой. Видно, что и леший тут хороший, хозяйственный. Надобно будет и с ним познакомиться, сходить по грибы, покуда ещё есть, да по ягоды. Но грусть по домочадцам всё равно не отпускала. Хорошо-то хорошо тут, но дома со своими близкими оно ж завсегда лучше. Но пока нет ей отсюда выхода, а то она уже проверила, на воротах лежало заклинание, что не выпускало её. За забор ей ходу не было, придётся тут обживаться.

А потому, откинув мысли печальные, отправилась в баню, по дороге зайдя в терем. Захватила с собой ломоть ноздреватого, ещё тёплого хлеба, щедро посыпав тот крупной, слегка сероватой солью с травами. Знала она, что больно охоч до такого лакомства дух банный.

Зайдя в тёмную баню, оставила дверь приоткрытой, чтобы хоть немного света было. Положила угощение на лавку да поздоровалась с поклоном.

— Здравствуй, дедушка банный! Выйди покажись, хлеба отведай, — проговорила ведьма положенные в таком деле слова.

Дух себя ждать не заставил. Из-за печи показался худощавый голый старик. Причинное место которого лишь бородой, что тянулась по полу, скрыто было.

— Кто это к нам пожаловал? — подслеповато щурясь, спросил он. — Дух хозяйский чую, но то не Красимил, будь он не ладен. Баня скоро развалится, а его бесы где-то носят, — ворчал банник. — Придёт ужо мыться, кипятком оболью. Будет знать, как баню бросать!

Совсем непохожий на духа из бани на болоте, он меж тем ворчлив был, как и тот. Прилипшие старые листья от веников тихо шуршали, когда он двигался.

«А баньку б и правда не мешало подчинить, — заметила про себя Вильфрида. — Доски на полу совсем прохудились. Крыша тоже с прорехами. Очаг бы перекласть не мешало. Совсем отец не следит за хозяйством своим. Но то дело поправимое, сейчас освоюсь сама тут и всё приведу с духами вместе в порядок».

Она и сама не заметила, как уже начала заниматься обыденными делами, пусть пока лишь в мыслях, будто ей тут жить дальше. А пока вслух другое сказала:

— В полоне тятька был, не досуг ему было.

Банник подумал, кивнул, мол, понимаю. Из-под полока вылезла и жена его на шум. Обдериха была лохматой, немного горбатой и пузатой бабой. То ли на сносях, то ли просто живот большой отрастила. Длинные волосы скрывали её, считай, до пят. Она взмахнула сухонькими ручонками с длинными чёрными ногтями.

— Гости никак у нас. Нешто баньку истопить решили? Мы тут какой год уже мёрзнем без тепла, чуть совсем не погибли, — запричитала она.

Вилька успокоила семью духов, отныне, сказала, банька как и положено будет топиться — два раза на седмице. И сегодня она просит их её истопить, ей помочь, чтобы жар был добрый, но крепкий. Трав добавить в воду разных, чтобы хвори да недуги прогнать.

Обрадовались банники, принялись тут же печь чистить от золы старой да дрова таскать. Вильфриду отпустили пока, мол, иди, не мешай, мы тут сами всё сделаем.

Она и пошла. В тереме тоже дел ещё много было. Надобно было с кикиморой запечной познакомиться, что приходилась женой Добрышке. Домашние кикиморы они посмирнее болотных будут, оттого часто и берут их домовые в жёны. Домових мало нарождается, да и не все хотят в чужом дому лишь жонкой быть. Хозяйкой-то в избе всяко лучше. Вот оттого чаще всего и женятся домашние духи на кикиморах, что за печью живут. «Была б Гранька такой, глядишь, и Проша б меньше нос воротил, — подумала девушка. — Но Граня болотная, а они ой с каким норовом!»

Войдя в терем, она огляделась, везде был порядок, даже стол новой скатертью застелен стоял. Лавки все половичками из цветных лоскутков покрыты. Видать, кикимора постаралась, нашила. Они бабы домовитые, хоть и вредные. Но ежели в дому всё хорошо, то помощницы из них добрые. Такая и напрядёт хозяйке к утру моток другой, и дите в люльке покачает, чтобы спало крепче. А вот если в дому раздор да сор, всю кудель спутает, всех будить станет. И никакого на неё сладу не будет, покуда порядок не навести да мир в избу не вернуть.

Сейчас же нечисть крутилась вокруг печи, горшками гремела. Заслышав шаги, обернулась, поклонилась.

— Вернулась уже, хозяюшка? А я туточки вот пирогов решила настряпать. С капусткою, как Добрыша любит. Да кашки вам сварить, просяной, с ягодами да орехами разными. Рыбку Добрышка поймал поутру. В горшочке уже томится с брусникой да хреном.

Вилька улыбнулась хозяйственной бабе. Спросила, как звать ту.

— Купа Купавна, — не отвлекаясь от теста, ответила кикимора.

Девушка кивнула ей и присела на лавку, глядя, как ловко та пироги мечет на широкий лист, чтобы в печь сунуть. Налила себе простокваши и вздохнула.

— По дому маешься, краса? — понимающе посмотрела на неё Купавна.

Получила новый кивок и тоже вздохнула.

— Оно-то и понятно, в своём-то дому, каким бы тот ни был, всё лучше, чем в чужом. Но и этот дом тебе не чужой. Отец твой — князь Бессмертный как-никак. Привыкай, девка, долго тебе с ним жить, чуется мне. А мы не обидим тебя и ему не дадим, — тараторила без умолку говорливая нечисть. — Он неплохой, ты не думай. Только с пути сбившийся. Оттого и злой, как Карачун в месяц лютень. Но не злоблив он в душе, ты, девонька, не думай.

Закончив с пирогами, кикимора закинула просо в ступку, потолкла его пестиком и высыпала в горшок, туда же кинув и сушёные ягоды да орехи.

— А может, блиночков тебе испечь, деточка, а то ж не встретила как положено? — всплеснула она руками. — С медочком, с вареньем разным да сметанкою али с припёком каким? Вон деревенские свеженькой принесли, как узнали, что хозяин вернулся.

Вильфрида задумалась и согласилась. Блины она любила. Купавна тут же растопила масло, достала с печи опару, подлила молока, мёда добавила, яичек свежих. Замесила тесто и принялась лить его на сковороду. Вскоре на столе стояла целая стопка ноздреватых пышных блинов, что так и просились в рот. А рядом уже росла стопка с припёком, жареным луком да грибами. И так всё это пахло, что ведьма схватила горячий блин, обмакнула его в жирную сметану и отправила в рот. Блин обжигал пальцы и губы, но это совсем не помешало ей стащить ещё три, прежде сытно погладить живот и отодвинуться от стола.

— Спасибо, матушка Купавна, — поблагодарила она нечисть, продолжавшую метать блины на стол. — Накормила так накормила.

Та усмехнулась добродушно и, закончив готовку, присела напротив. Подпёрла рукой голову и снова вздохнула.

— Слышала я, без матушки ты росла, тяжко девоньке без бабьей любви-то…

Вилька и сама не поняла, как выложила той всё. И как Ясиня ей бабушкой стала, как она её любила, учила всему. Как Прошку чуть жаб целовать не заставила, чтоб внучке угодить.

Кикимора сидела посмеиваясь, слушая о детских приключениях девчушки на болоте.

— Что, прям в морду ему так и сунула? — хохоча спросила она, услышав, как маленькая Вила очень хотела Прошу женить. Да чтоб обязательно на красивой княжне, а те, как известно всем детям, из жаб заколдованных берутся.

— Прям, — с лёгкой грустью улыбнулась Вилька. — Он опосля меня этих жаб на дух не переносит. Как увидит, так и норовит чем зашибить. Может, потому и Граню не принимает, она ж тоже болотная.

— Дурак он просто, счастья своего не видит, вот и всё, — отрезала жена домового. — Хорошая баба, ну пущай она и кикимора, какой прибыток в хозяйстве. Я вона пирогов напекла, терем прибрала. Сейчас Добрыша придёт уставший, а ужин готов, горшки помыты. А так бы что? Трать силушку свою, сам всё делай. Чтоб хозяин не осерчал. Так что дурак твой Прошка, как есть дурак, — снова повторила Купавна. — Кого хошь спроси. Все скажут, что баба — первое дело в дому, без нас никуда. Дите не родится, уюта и тепла не станет. А рубаху обережную кто соткёт да сошьёт? То-то же!

Вильфрида задумалась, права кикимора. Без баб жилось бы куда хуже. Считай, весь дом на жонках да дочерях и держится. Без женщины ни дитёнок не народится, ни поле урожая не даст, ведь только бабы и катаются по нему, силу свою отдают. Мужики потом токма засевают его семенем ярилиным, чтобы было из чего расти. Но и без них ведь никуда, получается? Это она и спросила у Купавны. Та важно кивнула.

— А то как же, не зря же боги двоих сотворили-то. Не просто так даже звери парами живут.

Долго они ещё говорили о всяком. Пока Добрышка не пришёл. Ходил он в соседнее село и вот вернулся. Вошёл в двери, обутки снял, стоит, на жену смотрит.

— Смотри, Купка, чагось я тебе прикупил, там купец проезжий был, — довольно улыбаясь, он вытащил из кармана синюю шёлковую ленту.

Кикимора с визгом на шею ему кинулась, да с ног сбила. Она-то поздоровее его была, вот и не устоял под напором радостным. Тут же побежала, схватила медное зеркальце, невесть откуда притащенное Кощеем, и ленту вплела в свои космы. Вплела и давай крутиться, на себя любоваться. А Добрышка стоит, довольный собой. Угодил бабе. Много ли той надобно, ленту купил, и она радая.

А та накрутилась и побежала на стол горшки из печи метать. Мужа-добытчика кормить. Добрыша сел за стол, обтёр лодку, которую вытащил откуда-то из-под полы, и принялся за обед. Ел он с аппетитом. Обсасывал рыбьи косточки, закусывал блинами с припёком и без. Потом сытно рыгнул. Утёр рукавом бороду и развалился на лавке. Рассказал, что местные рады, что хозяин вернулся.

Чем не мало удивил Вильку. Та считала, что Кощея боятся все, злодеем считают, а тут вона оно как. Оказывается, местные его любят, считают хорошим князем. Пусть и всего трёх селений. Сами они захотели, чтоб именно он над ними княжил. Нешто не знали про девок в погребце, аль то Мары происки всё ж? Но того без отца не узнать. На двери, ведущей туда, замок висит, ещё и магией запечатанный. Девушка вздохнула и пригорюнилась. Купавна приобняла её за плечи и села рядом. Так и сидели, молчали. Покуда в дверях жихарь не показался.

— Хозяйку в баньку просят, готова, — сказал он, просунув в приоткрытую дверь лохматую голову.

Ведьма поднялась и вышла во двор. Посмотрела на темнеющее уже небо и отправилась на помывку.

В бане было тепло. В плошках горел жир, мягко освещая помещение. Всё вокруг было укутано густым паром, который, будто пух, обволакивал всё тело.

Баня встретила её густым, насыщенным духом трав, которые испокон веков использовались для очищения тела и духа. Воздух был наполнен пряными, сладковатыми и свежими запахами. Вильфрида легла на полок и сразу почувствовала, как её окружает тепло. Она закрыла глаза, вдыхая пар, который казался почти осязаемым.

— Хворобой, — прошептала ведьма, узнавая слегка горьковатый запах с нотками смолы и свежескошенного сена. То была хорошая трава, отгоняющая злых духов и приносящая в тело здоровый дух.

Она глубоко вздохнула, и в нос шибанул тёплый, пряный чабрец. Он укреплял дух, и Вилька будто почуяла, как мысли её становятся ясными и светлыми. Хорошо постарался банник. Хорошие травы выбрал для пара.

Девушка полежала ещё немного, позволяя жару нагреть её тело, и окатилась водой с лёгким запахом холодянки, что смыл с неё усталость. А девичий цветок, добавленный в воду, помог ей расслабиться. Она села на лавку и принялась натирать волосы смесью золы и трав, напевая песню для густоты волос.

Банник поддал парку, и её обдало горьким, терпким запахом вдовьей травы. «И про неё не забыл, — подумала Вила. — Защита от нечисти — дело хорошее, а для домашних духов она не страшна».

Обдериха дождалась, пока девка промоет волос, и снова её на полок загнала. Начала хлестать свежим берёзовым веником, сил придавая.

Тёплая, слегка пряная материнка заполнила баню уютом, видимо, и её в веник добавили, и Вильфрида вспомнила, как бабушка рассказывала, что та приносит радость и успокоение.

Она открыла глаза да огляделась. Баня была наполнена не только теплом и паром, но и силой трав, которые веками помогали людям обретать здоровье и покой. Вилька почувствовала, как её тело и дух наполняются силой великой, и улыбнулась.

В бане оно завсегда так: помоешься и будто заново народился. Закончив мыться, она поблагодарила банника да обдериху, поклонилась им в пол и вышла на улицу.

Свежий ветерок приятно холодил разгорячённое тело. Она улыбнулась, подставляя под него лицо. Постояла немного и отправилась в терем.

Там её уже ждали. Едва порог перешагнула, как кикимора ей кваса налила холодного, ледника принесла для неё. Пододвинула миску с блинами. Девушка с аппетитом поела и зевнула, чувствуя, как закрываются глаза.

— Умаялась девка совсем, иди почивать уже. Завтра, глядишь, и батька явится, — захлопотала вокруг неё Купавна.

Вилька ещё раз зевнула и поднялась. И то верно, что зазря сидеть. Она поднялась по крутой лестнице и вошла в горницу. Присела на кровать, накрытую шкурой. Расчесала свои длинные волосы. Заплела на две косы и легла, накрывшись шкурой. Ночи становились уже прохладными, но очаг пока не топили. Да и под мехом медвежьим тепло было. Тем более Добрышка каждый вечер её шкуру перед печью грел. Чтобы ей теплее спалось. С теми мыслями и заснула с улыбкой на лице.

В гостях

— Ох, горемычный же ты… — бормотала старуха, глядя на Светозара. Её глаза светились из-под нависших седых бровей в полутьме избы, и князь невольно подумал, что в них читается не только насмешка, но и какая-то древняя, нелюдская мудрость. — И как тебя угораздило-то с летавкой связаться? Её чернота в тебе сидит.

Князь тряхнул головой, пытаясь отогнать туман, застилавший его мысли. Ягиня, которая сейчас кружила около него с пучком дымящихся трав, притащила его к себе в избу седмицу назад. Всё началось с того, что он, пытаясь разглядеть что-то в колоде, получил удар под зад и врезался головой в дуб. Чуть дух не испустил. И зачем, спрашивается, полез туда разглядывать? Но зато разглядел во всей красе. У бабки в сарае.

Ядвига, ведьма, в своей ступе, созданной Марой из помирающего лешего, и притащила его. Ступа, как оказалось, была с норовом. Старуха со смехом рассказывала, как её внук пытался её объезжать.

— И вот токма ногу занесёт, а она шмыг — и в сторону, — заходилась хриплым, каркающим смехом ягиня.

Отмыв его в бане, она поила его отварами, чтобы разум не потерял, кормила сытными наварами из мяса дичи, что ей приносили селяне за помощь. А теперь вот пыталась изгнать из него то, что поселилось в душе после Пекла.

— Ох, и знакомую силу чую, — бормотала ведьма, водя над его головой пучком дымящихся трав.

Тот чадил дымом, мелкие искры падали на лицо Светозара, заставляя его морщиться. От чего та лупила его по затылку и ворчала:

— Как летавку трогать — так не кривился, а тут смотри, какой нежный стал! Так бы и оторвала голову твою дурную! Вечно вы, мужики, причинным местом думаете, а бабы потом отдувайся, грязь с вас всякую убирай.

Светозар хотел было что-то ответить, но старуха тут же прервала его:

— Молчи, дурак! Сиди ужо смирно, а то ещё хуже сделаешь.

Она продолжала водить пучком трав над его головой, приговаривая что-то на непонятном языке. Дым щипал глаза, но князь терпел. Он понимал, что Ядвига, скорее всего, единственная, кто может помочь ему избавиться от этой черноты, что поселилась в его душе.

— Ну что, — наконец сказала старуха, откладывая травы в сторону. — Покуда не вышло всё, но полегче тебе должно стать. Только ты сам не мешай. Не лезь туда, куда не надо, и не трогай то, что не твоё, — для острастки она снова отвесила ему подзатыльник. Один из резных деревянных браслетов, которыми были увешаны её запястья, запутался в волосах. Мужчина зашипел, когда бабка дёрнула руку.

Но кивнул, чувствуя, как тяжесть в груди немного отпускает. Он взглянул на неё — её руки, жилистые и покрытые шрамами, всё ещё держали пучок трав, а на лице читалась усталость, смешанная с какой-то странной заботой.

— Спасибо тебе, бабушка, — пробормотал он.

— Не бабушка я тебе, — огрызнулась Ядвига. — Ягиня я, старейшая в этих краях. А ты, князь, хоть и с титулом, но всё равно дурак.

Она засмеялась своим хриплым смехом, но в её глазах читалась забота. Светозар знал, что, несмотря на все её ворчания, она действительно пыталась ему помочь.

— Ладно, — сказала старуха, вставая. — Пойду навар тебе приготовлю, а ты сиди, не дёргайся.

Князь остался сидеть на лавке, глядя в окно. Лес за избой был тихим, но он знал, что где-то там, в глубине, скрываются тени, которые всё ещё преследуют его.

— Ну что ж, — прошептал он себе. — Придётся с этим как-то смиряться пока.

В душе оставалось чувство, что чернота, которую Ядвига пыталась изгнать, всё ещё там. И, возможно, она никогда не уйдёт.

А старуха, стоя у печи, бормотала себе под нос:

— Ох и намучилась я с вами, мужиками. То одно, то другое. А всё потому, что думаете вы не головой, а тем, что ниже.

Но в её голосе не было злобы. Была лишь усталость и капля тепла, которую она старательно скрывала. Светозар видел, как она мешает навар, её спина сгорблена, а руки двигаются с привычной ловкостью, будто она делала это тысячу раз.

Он внимательно посмотрел на ягиню.

Ядвига была старой, но ещё крепкой. Её фигура, суховатая и сгорбленная, наводила ужас. Лицо, изрезанное глубокими морщинами, венчали седые и спутанные, словно гнездо лесной птицы, волосы, местами перехваченные лентами из кожи. На голове она носила платок, но он был настолько потрёпан, что больше походил на лоскут для мытья полов. А посреди этого великолепия, прямо промеж кустистых бровей, торчал длинный крючковатый нос с бородавкой. На плечах у старухи была накидка из шкуры, а на ногах — поршни, стоптанные до дыр, но явно крепкие, коль до сих пор не развалились.

Жилистые и сильные руки были покрыты пятнами и шрамами, словно от ожогов и порезов, которые она получала за долгие годы колдовства. На пальцах с массивными суставами — кольца из кости и дерева, а вокруг запястий — браслеты из высушенных змеиных шкур и дерева.

Но, несмотря на её устрашающий облик, в её глазах иногда мелькало что-то тёплое, почти материнское, особенно когда она ворчала над Светозаром. Это была забота, которую она тщательно скрывала под слоями ворчливости и колдовской суровости.

Накормив мужчину, старуха уложила его в постель и присела у окна, взяв в руки веретено. Светозар, устроившись поудобнее на жесткой лежанке, попросил её рассказать про внука. Слушать рассказы про ступу было весело, но теперь он хотел узнать больше о том, кто стал причиной её смеха и ворчания.

— Красимилка, он хороший, пусть и дурной, — начала бабка, её пальцы ловко крутили веретено, а глаза, несмотря на возраст, блестели, будто вспоминая что-то давнее и дорогое. — Рос без ласки отцовской да науки. Некогда его тятьке было за сыновьями, которых у него много, следить. А мать, мать баба спокойная, хорошая была, дочка моя. Спуталась вот токма не с тем, с кем надобно, — горький вздох заставил её вздрогнуть всем телом. — А вторыми родами и померла. Видать, Мара мне не простила, что я дочку Макоши отдала, а не ей. Красу тогда годочка четыре было. Так со мной и рос мальчонка.

Светозар слушал, глядя на её руки, которые, несмотря на возраст, двигались споро да ловко. В её голосе слышалась боль, но и гордость, будто она говорила о чём-то драгоценном, что потеряла, но всё ещё держала в памяти.

А потом вырос, ушёл. Дом себе в лесу построил. Людей не взлюбил. Те его выкормышем ведьмы кликали да кикиморим сыном. Чернявый он, оттого и казался чужим. В тятьку пошёл.

Старуха отпила кваса из старой деревянной чаши, откашлялась и продолжила:

А там стал колдовское ремесло постигать. Что от меня умел, что отец с кровью передал. Колдуном могучим стал. Тут-то Мара его и приметила. В полон взяла. Мужем, чтобы значится, ейным стал. Недавно только отпустила.

Светозар покачал головой: «Сколько ж судеб жница попортила!». Но вслух ничего не сказал, дальше приготовился слушать. Несмотря на скрипучий голос и неприглядный вид, Ядвига напоминала ему кормилицу, которая когда-то, давным-давно, рассказывала ему сказки перед

сном. Только теперь эти сказки были о реальных людях, о судьбах, переплетённых с магией и горечью.

— А ступу ту, — продолжала старуха, — она мне и сделала. Из лешего, что почти помирал. А она, зараза этакая, с норовом. То в сторону шмыгнет, то вверх рванёт. Но я её приручила. Как и его, дурака, приручила.

Светозар улыбнулся, глядя на неё. Её лицо, изрезанное морщинами, сейчас казалось таким живым, таким человечным, несмотря на всю её колдовскую суровость.

— Хорошая ты бабка, Ядвига, — тихо сказал он.

— Не бабка я тебе, — огрызнулась она, но в её глазах мелькнуло что-то тёплое. — Сколь раз повторять.

Да засмеялась своим хриплым смехом, а Светозар, закрыв глаза, почувствовал, как в груди понемногу теплеет. А старуха, продолжая крутить веретено, бормотала себе под нос что-то на непонятном языке, будто заговаривая не только нити, но и судьбы тех, кто приходил к ней за помощью.

Наутро Ядвига дозволила Светозару на улицу выйти. Там уже гонялась на перегонки с зайцем ступа. Князь, прислонившись к косяку двери, с удивлением наблюдал за этой странной картиной: деревянная колода, будто живая, носилась по двору, то и дело подпрыгивая и крутясь, словно пытаясь догнать ушастого. А заяц и не боялся её будто. Сколько было у него возможностей сбежать, он же более изворотлив. Но нет, он не убегал далеко, делал резкий разворот и обратно мчался к избе, а ступа за ним.

— Откуда он взялся? — поинтересовался Светозар, кивнув в сторону зайца.

Старуха, стоявшая рядом, пожала плечами.

— Сама приволокла. Тут Красик заходил просто, её по делу взять. А как от него возвернулась, так и этот с ней притащился. Теперича вон по двору носятся. Усю траву вытоптали, окаянные, курям пастись с гусями негде, — она сплюнула, глядя на колоду. — Лет пятьсот ему ужо, а всё как мальчишка беспортошный носится. И не стыдно ему! Не совестно! — повысила бабка голос, чтоб ступа наверняка услыхала.

Та в ответ заложила ещё один круг, подбежала к Ядвиге и, словно кошка, потерлась о неё, чуть ту с ног не свалив.

— Уйди, проклятущий! — взмахнула старуха руками, будто утей от себя отгоняя. — Пшёл прочь, кому сказано!

Светозару показалось, что он даже расслышал горестный вздох в скрипе дерева. Ему стало жалко старого лешего, вынужденного жить теперь в виде бессловесной колоды.

— Чаго расселся? — бабка ткнула его в ребро клюкой. — Пойди, что ли, баню истопи. Вон скока дров лежит неколотых, — мотнула она головой на горку чурбаков.

Князь кивнул и, поплевав на ладони, схватился за топор. Едва размахнулся, как из кучи дров донёсся скрипучий голос:

— Яжка!!! Опять ты дурака прислала какого-то меня тревожить?

От неожиданности топор выпал из рук Светозара и упал тому на ногу, заставив его вскрикнуть и запрыгать на одной ноге.

Позади раздался ехидный смех:

— Никогда не надоест смотреть, как они тебя шугаются, Лесовик.

«Вот же проклятая старуха! — пронеслось в голове князя. — Чуть на краду не лёг из-за её шуточек!»

— Да коли, коли, не бойся. Не тронет, — пообещала та и, кряхтя, пошла в избу. — А как наколешь, воды натаскай! — донеслось из дверей.

Светозар, всё ещё прихрамывая, поднял топор и с опаской посмотрел на кучу дров. Оттуда доносилось тихое ворчание.

— Ну, дядько, прости, — пробормотал князь, подходя к чурбакам. — Не я это придумал.

Он замахнулся и ударил топором по первому чурбаку. Тот раскололся с громким треском, а изнутри кучи донёсся недовольный скрип:

— Эх, Яжка, вечно ты со своими шутками…

Наколов приличную кучу дров, Светозар отнёс их к бане и, схватив вёдра, отправился к колодцу. Бабка, стоя у оконца, наблюдала за ним с едва заметной усмешкой. Князь, как и давеча Красимил, сперва камушки в колодец покидал, потом опасливо заглянул через край, кинул ведро и отбежал, держа верёвку, на которой то болталось. Лишь убедившись, что оттуда на него никто не выскочит, он принялся быстро таскать воду до бани.

Закончив и с этим, Светозар присел на лавку, утёр пот со лба. Бабка, усмехаясь, протянула ему через окно деревянную кружку с квасом. Попив, он отдышался и отправился топить баню, чтобы к ужину она была готова, как приказала старуха.

Банник с дурным характером встретил его не слишком приветливо.

— Эх ты, князь ещё, а неумеха каких поискать, — раздался из угла голос. — Баню топить не умеешь, а лезешь!

Светозар обернулся, но никого не увидел.

— Кто здесь? — осторожно спросил он.

— Тут я, баламошка ты криворукий! — голос раздался уже прямо у него за спиной. Князь резко обернулся, но снова никого не увидел.

— Смотри, как дрова складывать надо, — продолжил банник, и вдруг в очаге сами собой зашевелились поленья, выстроившись в аккуратную кучку. — Видишь? Так, а не как ты, в кучу без толку швырял.

Светозар, хоть и был человеком смелым, почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— А ежели ещё раз не так сложишь, — добавил дух, и голос его стал угрожающим, — я тебя в том котле и сварю. Понял?

— Понял, — быстро ответил князь, стараясь не показать, что напуган. Духи у бабки под стать ей были, такие же зловредные.

— Ну и ладно, — буркнул банник. — Топи, да смотри, чтоб к ужину готова была. А не то старуха опять на меня ворчать начнёт. А я того не люблю!

Когда баня была почти готова, Светозар услышал, как банник снова заговорил, но уже более спокойно:

— Молодец, князь! Вижу, учишься. Только не забывай, тут не в твоих хоромах, тут свои порядки.

— Не забуду, — ответил Светозар, чувствуя, что банник, хоть и ворчливый, но, кажется, начинает его принимать.

А Ядвига, стоя у избы, смотрела на дым, поднимающийся из бани, и тихо улыбалась.

— Ну что ж, — пробормотала она себе под нос. — Может, и из тебя что путнее выйдет, князь. Только бы банник не сварил раньше времени. Этот-то может, — усмехнулась она, заходя в избу.

И, кряхтя, пошла готовить ужин, оставив Светозара разбираться с банными премудростями.

Вскоре банька была готова. Старуха заставила князя распарить её старые кости, довольно покрикивая под упругим веником из весенней берёзы. Листья от него разлетались во все стороны.

— Плохо кипяточком ошпарил, — заметил банник, но Ядвига осталась довольна и паром, и жаром.

После бани она посидела на завалинке, дождалась Светозара и отправилась поить того холодным, что аж зубы сводило, квасом.

Потом, усадив того на лавку, вновь принялась изгонять из него дух Пекельный.

— Негоже с такой чернотой к людям иттить, — ворчала она. — И себя сгубишь, и им навредишь.

Дым от трав погружал Светозара в странное состояние, казалось ему, голоса он слышит, что зовут его за собой. Тени видит, что мечутся вокруг. И вот всё прекратилось. Члены его охватила слабость, такая, что пришлось бабке его до кровати чуть не волоком тащить. Там, накрыв шкурой, она присела рядом и запела обережную песню. Князь закрыл потяжелевшие вмиг веки и уснул.

Ещё неделю она маялась с его хворобой, что плотно сидела внутри, будто хорошо подогнанная к кувшину пробка. Но вот и сам Светозар почуял облегчение. Больше не хотелось кричать, кидаться на всех подряд. Лютая злоба не глодала его сердце. И старуха решила, что пора ему домой ворачиваться. Плохо людям простым без князя. Землями править нужно. Да и полюдье скорее, кто отправит обозы, ежели не он.

Светозар же об ином думал. Полюдье — это, конечно, важно, но шкурки с дымов и Елизар собрать сможет. Ему так и не рассказали, что творит воевода, не успели. А вот за ведьмой никого не послать, то самому надобно.

С тем он и собрался. Бабка проводила его к реке. Сказала, жди, мол, тут, скоро корабль мимо пойдёт, он-то тебя до Искоростеня и доставит. Откуда она это знала, князь спрашивать не стал. Такая ведьма, как Ядвига, и не то знать могла.

Он развёл на берегу костёр и сел, глядя на воду.

Корабль и правда вскоре пристал к берегу. Свой, Искоростеньский. Плыл купец Селян из Хольмграда, где торги всё лето вёл. Увидев князя, он широко улыбнулся, но Светозар знал, что радость эта была больше корыстной, чем искренней.

— Князь! — воскликнул Селян, спускаясь по сходням. — Какая удача встретить вас здесь!

Светозар кивнул, стараясь не показать, что заметил расчёт в глазах купца.

— Селян, — сказал он, — ты как раз вовремя. Мне нужно в Искоростень.

— Конечно, конечно! — засуетился купец. — Для вас всегда место найдётся.

Обрадовался Селян ему, а что не радоваться, князя спас, а значит, гляди, снизят ему налог, что платил он, возвращаясь из походов.

Они поднялись на борт, и корабль отчалил от берега. Светозар стоял на палубе, глядя на удаляющийся берег, где ещё виднелся дымок от его костра.

— Ну что ж, — прошептал он себе. — Пора домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.